

СКАЗКА

ХРУСТАЛЬНЫХ ГОР

ТОМ

I

РУДНИЦКАЯ В

Виктория Рудницкая
Сказка Хрустальных гор. Том I

«Автор»

2025

Рудницкая В. В.

Сказка Хрустальных гор. Том I / В. В. Рудницкая — «Автор»,
2025

Может ли в строках обычной иноземной сказки о городе, затерянном в горах, прятаться ключ к прекращению войны? Юный Тео Тис уверен, что да. Всю жизнь он болел Йонсаном — загадочной страной, которая после масштабного вооружённого конфликта на полвека скрылась от мира за непроницаемым барьером. Когда же из-за Йонсана вновь начинается большая война, Тео идёт в армию, лишь бы попасть в заветные горы, отыскать таинственный город и найти в нём способ остановить кровопролитие. Ведь только у него одного есть книга со Сказкой Хрустальных гор.

© Рудницкая В. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

– N –	5
Часть 1. Дневник	15
– I –	16
– II –	23
– III –	32
– IV –	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктория Рудницкая

Сказка Хрустальных гор. Том I

– N –

В тот век, когда Эгн, Великий чжулун, стал стар и покрылся мшистыми жилками, захотелось ему прилечь отдохнуть на свободные земли восточных равнин — обернуться огромной лесистой горой, разлив вокруг свои длинные усы — полноводные реки, и выспаться вдоволь после творения мира.

Но Эгн, мудрый создатель, не хотел оставлять без присмотра своих детей, живущих в удивительном городе в долине северных гор. Долго думал правитель чжулунов, и создал тогда двух преемников воли своей, наказав им следить за порядком в северогорье. Каждому он подарил для того половину от Искры творения, сиявшей в груди его пламенным диском. Поделив силы поровну, одной из хранителей Эгн вверил лето, пору цветения новой жизни, а другому доверил зиму — время покоя и тихих снов. Наказал им Великий чжулун править в мире и дружбе, и чтобы не было ссор и разлада каждому дал во владение ровно полгода.

*«Но помните, всё в равновесии строгом
я вам оставляю — храните уклад мой.
Друг с другом вы в северном правьте чертоге,
как день ночь сменяет, в гармонии ладной.
Чтоб я пробудился, мне Искру верните,
когда все планеты сойдутся в ряд
на небе ночном, словно жемчуг на нити.
И я вас, и звёзды за то наградят».*

Так и жили они, хранители лета и зимы, поочередно сменяя друг друга и ведая каждый своими делами.

Летняя была прекрасна и светла, как самый благодостный тёплый день. Живая и юркая, она не шла, но танцевала по земле, своим переливчатым смехом и дивной улыбкой неся радость в сердца людей. Ветер с любовью ласкал её волосы, цветом ярче хвоста кометы, и глаза её сияли подобно солнцу, когда она спускалась на землю. Люди любили и почитали её — искусную создательницу всех красок природы из цвета далёких звёзд. Не знала Летняя в жизни своей ни горестей, ни печалей.

Студёный же был мрачен и груб, как ледяной утёс. Его выточили из осколка далёкой планеты, где давно уже не было жизни. Никогда не знал Студёный ничьей любви, ведь даже взгляд его был для людей колким как самая лютая стужа, а касание, как говорили в народе, и вовсе могло убить. Под колыбельную тихих снежинок погружал он природу в глубокий сон и смывал с гор весь цвет, сотворённый Летней. От дыхания Хранителя зимы, морозного, как северный ветер, застывали реки и озёра, и следил он бережно, чтобы каждая травинка спала в снежном коконе до самого лета. Пусть зима в горах была сурова и холодна, но так было заведено самим Эгном, и Студёный строго следил за порядком, что испокон времён был неизменен, и смиренно сносил людскую немилость, принимая её как должное.

Долгие годы Студёный жил в одиночестве, наблюдая за дивными снами природы под снежным покровом, и был удивительно счастлив в горной тиши. И сколько ни силился, не мог он понять людской чёрной ненависти ни к зиме, ни к себе самому. Ведь он исправно исполнял свой долг, и всё на земле оттого было ладно. Но люди из раза в раз всё равно его кляли и гнали

прочь зиму с горных земель. Слушая обидные песни людей и всё больше и больше печалась от грубых слов, спрашивал себя Студёный:

*«Может, я дурно справляюсь с задачей,
коль гонят прочь зиму, ругая в придачу?»*

И однажды задумался зимний хранитель: раз его порицают за дело, порученное ему самим Эгном, как люди относятся к Летней? Тогда грозный Владыка зимы нарушил древний договор между ним и Хранительницей лета. Не стал он взлетать в вышнее море для сна, как было условлено, а обернулся камнем на берегу прохладной горной реки и стал наблюдать за правлением Летней.

И как же Студёный был удивлён! Злые люди, которые прятались от него по домам и осыпали проклятьями морозы, метели и вьюги, вмиг изменились. Что ни день, то на улицах праздник, что ни час — то смех и улыбки. Народ северных гор был весел и счастлив, и сами склоны, кажется, пели и зацветали вместе с сердцами людей. Не звучало недобрых слов, не ругали горожане ни Летнюю, ни дожди её, ни тёплые ветры. Они не боялись Летней и даже впускали в свои дома, куда Студёному путь был закрыт. Щедр был урожай, буйно цвели деревья и склоны, и река была широка и богата, как и должно быть в летнюю пору. Как и Студёный, Летняя исправно следила за доверенным ей временем года. Смотрел на это Хранитель зимы и ещё больше кручинился — не понять ему было людской перемены...

Тогда обернулся он вновь собой и без страха вышел к людям с вопросом, и в отчаянье голос его отозвался могучим эхом от склонов северных гор:

*«Отчего вы, о, люди, так любите лето,
а зиму браните? Да честно ли это?
Мы с Летней поставлены Эгном на равных,
но к ней вы — с почётом, ко мне же — злонравны!»*

Напуганы были люди появлением Студёного. Сгустились серые тучи над северогорьем и в одночасье укрылись и город, и склоны снежным покровом. Больно было Хранителю зимы стоять на прогретой земле, так что использовал он свои силы вопреки воле Эгна. Куда бы ни ступал он — тропинки покрывались настом, а цветы надевали снежные шапки. Так был обижен Студёный, что с неба посыпался град, как капают слёзы из глаз человека. И только самые юные и горячие сердцем не бросились прочь от него, по домам, а держали ответ перед зимним владыкой:

*«Кто же, скажи нам, всё то полюбит,
что их только мучает, ранит и губит?
Летняя ласкова к нам и щедра,
а ты только горестей сыпешь в достатке:
болезни и голод, мороз и хандра!
Зимой даже воздух становится гадким.
Тут есть справедливость, ответь нам, Студёный?
Отыщешь — простим, нет — ходи непрощённый!
Да только не выиграть тебе в этом споре.
Прочь с глаз! До зимы ещё очень нескоро».*

Горько Студёному было слышать людские упрёки. Но, хотя люди вновь его прогоняли, решил он на этот раз не отступать перед их недовольством. Вспомнил тогда Хранитель зимы завет Эгна и возразил:

*«Одумайтесь, люди! Днём бодрость и силы
вас полнят, коль выспались прежде вы ночью!
Чтоб летом природа блага приносила,
зимой должен выспаться всласть ей помочь я!
За сон безмятежный, полезный и нужный,
и ночь, и кровать вы ужели корите?
Они, как и я, пред хулой безоружны,
их суть будет прежней, как их ни журите.
Вокруг оглядитесь! Чудес в зиме много:
и тишь, и покой её дней так прекрасны!
Я друг, а не враг вам. Не будьте так строги
и зиму со мной не браните напрасно!»*

Только что бы ни говорил им Студёный, люди остались непреклонны. Пусть и находил горный народец долю правды в его словах, в чудесных переливах света на тонких островах снега, укрывших зелёные травы, видели они только губительный холод.

*«Быть может, и прав ты, о, Зимний хранитель,
что нам — наказанье, природе — полезней.
Средь нас твоих зим не найдётся ценитель,
им прелесть бы лета — мы стали б любезней.
Зимой всё тоскливо, печально и стыло...
Неужто ты сам себе не опостылел?»*

Не знал Студёный ответа на этот вопрос — никогда он раньше не думал сравнивать лето и зиму, и помыслить не мог, что привычный уклад людям мог надоесть. Огляделся вокруг Хранитель зимы, посмотрел молчаливо на ровную белоснежную пелену, укрывшую суровые чёрные склоны, и призадумался. Взглянул он на своё отражение в речке — и не успел ничего разглядеть, ведь та тут же покрылась мутной корочкой льда. Сухой снег рассыпался в руках у Студёного и никак не хотел принимать формы. Крошился и трескался лёд. Никогда не сотворить было Студёному ничего столь же прекрасного, как распутившиеся над водой кувшинки и наливные яблоки в шумящей листве, ведь не умел он создавать ничего кроме льда и снега. А умей он, быть может, и вправду люди стали бы к нему благосклоннее, думал Хранитель зимы. Вдруг земля задрожала, и не успел Студёный опомниться, как возникла перед ним сама Летняя. Рассержена была Хранительница лета, увидев, что сотворил Владыка зимы с её цветущими землями. Укорила она Студёного за то, что явился он раньше срока и отбирал теперь время, отведённое ей Эгном для лета:

*«Зачем васильки мои губишь морозом?
Чем могут разгневать благие цветки?
К чему призываешь суровые грозы
и градом сбиваешь с них все лепестки?
Зачем ты пришёл, кроме зла, я не знаю.
Меж нами нарушен теперь договор.
Не друг ты мне больше. Тебя проклиная,*

бесчестный и алчный ты времени вор!»

По велению Летней вмиг растаял весь снежный покров, сотворённый Студёным, и остался только у ног его крошечный островок желанной прохлады. От властного мановения руки её все цветы встрепенились и расправили листья. Реки продолжили ток, сбросив тонкую хрупкую шаль изо льда. Начал таять несчастный Студёный под знойным взглядом Владычицы лета, и взмолился он:

*«Не гони меня прочь. Мне искусство твоё неподвластно,
пусть в обоих из нас часть от Искры творенья пылает.
Я прошу мне помочь. Научиться мечтаю я страстно,
как и ты, создавать красоту, что все видеть желают».*

Мучил Студёного жаркий воздух, как руки людей обжигает пламя. Но готов был Владыка зимы стерпеть любые терзания, лишь бы Летняя сменила свой гнев на милость и позволила ему править в мире с собою бок о бок, научив дарить людям свет и тепло. Только не вняла она словам Студёного — помнила Летняя о погубленных первоцветах и морозе, обжигающем её нежные плечи, и верила, что задумал Студёный недоброе, что зло поселилось в холодном сердце его.

*«Говорит о тебе неустанно наш горный народ:
ты приносишь им горе, лишенья и прочие беды.
Боюсь, что наученный мною, ты наоборот
заставишь людей только большего горя отвеждать.
Пусть ты кроток и мил, я не верю невинности мнимой.
Раз ты Искрой творить не научен — на то воля Эгна.
Твоя просьба, Студёный, мне видится невыполнимой.
Уходи по добру, а иначе — я к силе прибегну».*

Невыносимым стал жар для Студёного, и он, поруганный и оскорблённый, скрылся в пещерах северных гор. Тем летом три дня и три ночи в горах выл северный ветер и шёл то снег, то град, какого не помнил на своём веку никто из живущих — так гневался Студёный на неразумность людей и грубость Хранительницы лета. Он клял свою судьбу, обречённый сносить вечную ненависть тех, кому должен был покровительствовать. Ведь Эгн не научил Студёного использовать Искру в его груди так, как умела Летняя, хотя и научил взамен тому, чего не умела она. И то, наверное, было справедливо в глазах их Вышнего создателя, поделившего меж Студёным и Летней всё поровну, вот только теперь Хранитель зимы не видел в том справедливости. Довольный своим веком раньше, Студёный вдруг по-другому увидел собственный путь и почувствовал всю тяжесть бремени на плечах.

В те дни, пробираясь сквозь непогоду, шёл через горы юный Художник, писавший далёкие снежные пики. Пытаясь спасти свою голову и свои труды, укрылся он в горной пещере, чтобы переждать бушующую метель, и вдруг встретил там Владыку зимы. Удивился Художник появлению Студёного среди лета, но не испугался, а только поклонился ему с почтением и сел кротко у самого входа.

*«Долго здравствуй, Студёный. Вот дивная встреча!
Разрешить отдохнуть здесь с тобою с дороги?
Печален твой взгляд... отчего в летний вечер
ты здесь? Что на сердце твоём за тревоги?»*

Впервые Студёный встретил людскую доброту и участие, и рассказал тогда Художнику обо всех своих горестях и печалях — и почему он спустился на землю в неположенный срок, и как прогнала его Летняя, и как говорил он с горным народом. Сетовал Студёный на свою долю:

*«Невозможно уметь всё на свете, Художник.
Хотелось бы сделать мне зиму приятной,
но клятв нерушимых я вечный заложник.
Мечты не исполнить моей, вероятно».*

Выслушал Художник Студёного, подумал над его бедой, и поведал ему тогда свою историю. Как был он мал и глуп, как не умел держать кисти и для всех был только посмешищем. Но он не слушал издёвок и насмешек и в конце концов научился писать абсолютно всё: свет и воздух, шум реки и даже биение сердца — словом, создавать на холстах своих целые миры, подобно самому Вышнему. Он упорно трудился, и со временем люди и другие художники перестали смеяться над ним и начали уважать. Пообещал он помочь Студёному научиться умениям Летней и заслужить милость горожан:

*«Не стыдно — не знать, стыдно, друг мой, другое:
нежелание знать во сто крат будет хуже.
Среди всех художников был я изгоем —
бранили, да так, что отвалиются уши.
Природа талантов в меня не вместила.
Незрячий лишь мог бы меня похвалить.
Но усердие навязкой плохой превратило
в моё мастерство. Так позволь разделить
с тобой мне ученье премудростям Летней.
Ты хочешь учиться — и в том твоя сила,
но ты слишком видный, а я — незаметней
жучка, и, раскрыв её тайны, те знания
тебе передам, чтоб зима приносила
всем радость, и ты смог добиться признанья».*

Расправил Студёный плечи — ободрила его доброта Художника. Никогда прежде он не встречал таких благородных людей. И град прекратился, и стихла метель, и стало спокойно в горах, как и прежде.

*«Проси, чего хочешь. За твою доброту
даже звёзды достану, сгорев на свету».*

Но несмотря на щедрость Студёного, Художник был скромн. Отказался он и от драгоценных камней, и от древних сокровищ, спрятанных в недрах северных гор, а попросил только дар, который помог бы ему в учении — способность смотреть на мир подобно духам зимы, для которых время течёт тягуче и медленно, чтобы суметь рассмотреть трепет листы или падение снежинки в воздухе. С радостью одарил Хранитель зимы юного Художника — так мог теперь юноша видеть глазами Студёного, а тот у него мог учиться всему. Наутро распрощался Владыка зимы с единственным другом среди людей и со спокойным сердцем взмыл в вышнее море. Заснул он мирным сном в ожидании грядущей зимы и не докучал больше жителям города северным ветром.

Только вот люди не знали об этом и боялись, что снова нагрянет Студёный. Собрали они ценные дары и пришли за советом к Летней: как им оградить себя от козней Хранителя зимы. Опасались они, что зима будет лютой, что Студёный их не простит и заморит своими морозами. А если зимой не заморит, то будет каждое лето убивать их посевы и прогонять дичь из лесов холодным дыханием. Попросили люди Летнюю заступиться за них и не покидать больше их земель. Выслушала Хранительница лета людские мольбы и задумалась. Понимала она, что так же, как она угасает в зимнюю пору, так и Студёный чахнет на тёплой земле. Но если не будет ни холода, ни снега — ничто не помешает ей править одной. Люди её любили и чествовали, и ей нравилась мысль быть безраздельной хозяйкой северных гор. Ведь когда ослабеет Студёный, могла Летняя отобрать его Искру и стать вровень с самим Эгном, а может, даже и более великой, чем он. Вот и подсказала она, как может горный народ обогреть для неё свои земли, чтобы всегда на склонах царили летние дни:

*«Слово Эгна — закон, и ему я покорна,
но исполнить желание вы можете сами.
Весь год будет лето в обители горной,
коль земли теплы. Дальше — дело за вами.
Природы царём стать пора Человеку:
кроткой как лань сделать бурную реку,
небо с ветрами держать под контролем
и пламя горы покорить людской воле.
Тогда моё время продлится, а значит,
Студёного власть будет таять, что иней.
Пусть Эгн и велел нам хранить мир иначе,
смогу и одна я быть вашей богиней».*

Как сказала им Летняя, так люди и поступили.

С тех пор так и повелось, что в летнюю пору странствовал юный Художник по северным склонам, а с наступлением зимы возвращался в город, чтобы встретить старого друга. Долгие годы зимней порой просыпался Студёный и не покладая рук усердно учился у Художника творить. Со временем сумел Хранитель зимы делать лёд тонким и прозрачным, как стёклышко, научился рисовать инеем на стёклах и каждую снежинку делать непохожей на остальные. Смог он создавать изо льда и снега фигурки в форме цветов и животных, делать мех зверей вокруг белоснежным, и даже ветви деревьев укрывать ледяными скорлупками, так что те звенели как колокольчики и переливались на свету. Многому научился Студёный, что видим теперь мы зимой. Пела вьюга, и снег теперь искрился на солнце подобно алмазам. Однажды он даже сумел создать радугу в небе из дивных снов спящей природы, что теперь зовут сиянием северным. Год за годом Студёный показывал людям всё, чему научился, но они как будто не замечали той красоты. Люди, как и прежде, всё пели и пели:

*«Мы не верим тебе, мы не слышим тебя, о, хитрый Владыка зимы —
нас не проведёшь, нас не выманишь в лес, обманищик, пройдоха и плут!
Пусть души другие в нагом лесу погибают в морозной мгле —
Студёный, от нас уходи ты прочь! Не верим ведь мы тебе!
Не верим мы песням метелей и вьюг, не верим твоим словам!
Пусть души другие врастают в снега деревьями мёртвых лесов.
Ты будешь голодным, а свет наших души прогонит тебя во мрак —
не дадим ни за что их зиме твоей съесть, так сгиньте вдвоём навсегда!»*

Но Студёный верил, что рано или поздно люди станут к нему благосклоннее и заметят чудеса зимы. В то же верил и Художник, учивший его творить. Вот только однажды, придя, как обычно, лишь только опустился первый снег, спросил он, отчего стал Хранитель зимы являться на землю всё позже, а уходить ко сну в вышнем море всё раньше и раньше:

*«Может, я постарел? Вижу, время течёт всё быстрее,
когда я с тобой, добрый друг, провожу свои дни.
Или прежде зима к нам и впрямь приходила скорее?
Отчего ты стал дольше скрываться в холодной тени?»*

Студёный улыбнулся ему и ответил:

*«Я всегда прихожу, как последний листок опадает,
и для сна ухожу, как покажется первый росток.
Всех, кто в долгой разлуке, подобный мираж ожидает,
но на деле у времени не изменяется ток.
Всё как было, так будет, и ты не тревожься напрасно,
суть вещей изменять одному только Эгнэ подвластно».*

Поверил ему Художник и успокоился. Но как же неправ был Студёный! Ведь горный народ год за годом делал землю теплее — по велению Летней будили и распалили они давно спящий огонь внутри гор, принуждали реку течь по их замыслу, управляли облаками и тучами, чтобы только в положенный срок проливались дожди, и срубали под корень леса, чтобы вырастить те в новом месте. Так продолжалось, пока во всём северогорье почти не осталось мест, куда снег мог упасть и задержаться, не растаяв в тот же миг. И вот, спустя долгие годы, проснулся Студёный в свой срок и не смог спуститься на землю близ города — она была горяча и покрыта буйной зеленью, чего никогда не видел он раньше в зимнюю пору. Подивился Студёный, что, стало быть, проснулся так рано. Да только вот, что за чудеса, не было вокруг позднецветов, а раз их нет — значит, уже настала пора зимы. Не знал он, несчастный, что позднецветы уже множество лет не украшали собой горных склонов... Поднялся Хранитель зимы на самые пики — туда, где ещё оставались снежные шапки, и оттуда стал наблюдать за землёй. Воззвал он к северному ветру, наказав тому найти и привести Художника в свой последний оплот.

И Художник пришёл, но был вовсе не тем, кого знал когда-то Студёный. Предстал он перед Хранителем зимы седовласым старцем, испещрили морщины его прежде сиявшее лицо. Не передать, как рад был Художник вновь видеть Студёного, но Хранитель зимы не на шутку встревожился:

*«Мой друг... но я помню лицо молодое...
когда же успел ты стать старцем степенным?
Кажется, в мире случилось худое,
раз столько во сне оставался я пленным?»*

Тогда Художник поведал Студёному о том, что сотворили люди со своей землей в угоду Летней. Долгие годы царствует Хранительница лета одна в северных землях, и горный народ уж почти позабыл, что раньше случалась зима. Хорошо было людям, но природа иссыхала и давала всё меньше и меньше даров детям Эгна. Год за годом всё более скудными становились всходы, и дичь в лесах нарождалась всё меньше.

«С зимой не хотел никто больше мириться...»

*Народ воле Эгна тогда вопреки
решил одну Летнюю сделать царицей
всех гор и лесов, и небес, и реки...
Она подсказала им верное средство,
как ловко покончить с тлетворным соседством.
Послушались люди, и вечное лето на земле пришло...
только пряталось зло
в намереньях Летней. Сильней на пустыню
всё северогорье походит отныне.
Я упросил всего на год в секрете
жителей города землю не греть и
вот, наконец, ты, мой друг, пробудился...
я счастлив и будто бы омолодился!
Ты жив и здоров! Эгн услышал мольбы...
Спасён мир теперь от ужасной судьбы».*

Студёный всё видел... склоны молили его о желанном сне, леса и реки просили покоя, сама земля взывала к нему с мольбой. Всё в горах умирало, превращаясь в бесплодную пустошь. Понял Хранитель зимы, что если заснёт он ещё хоть раз, то уже никогда не суждено ему будет выйти из вечного сна, и всё северогорье погибнет следом за ним.

*«Не забыть мне, Художник, твою доброту.
Проживи сотни лет, будь и здоров, и силён.
Боюсь, мне придётся лишить жизни ту,
чьим сияющим образом был вдохновлён...
Коль сгину, исполни последнюю волю:
чтоб мир уберечь от чудовищной доли
возьми мою Искру и спрячь её где-то,
пока не вернётся душа Летней к свету.
Прошу — обещай.
А теперь, друг... прощай».*

Поднялся Студёный во весь свой могучий рост, собрал все свои силы и призвал со всех концов мира духов зимы. Сами горы затряслись и пробудились на его зов — город и горные чертоги вмиг укрыло снежное одеяло, и вокруг всё замерло в оцепенении. Повисла повсюду такая тишь, что страшно было и слово проронить. Спустился Студёный по снегу к Летней, суров и рассержен. Должна была ослабеть Хранительница лета от жгучих морозов, должны были сковать её накрепко толстые льды, да только накопила она за долгое лето так много сил, что не страшны ей были ни стужа, ни северный ветер.

*«И вновь ты всё портишь, Хранитель зимы!
Раз ты ускользнуть смог из вечной тюрьмы,
придётся тебя мне казнить за побег,
чтоб мир на земле воцарился навек».*

В гневе Летняя подчинила себе могучую гору, и та разъярилась, задышала горячими серыми клубами, из глубин исторгая синее пламя. Солнце погасло, оплавился воздух, и даже небо сгнуло в чёрном дыму. Так жаждала Летняя изничтожить Студёного, что не видела, как сжигает своей яростью леса, и поля, и всё вокруг себя, даже город, за который она состязалась.

Люди в страхе бежали из города прочь, но Летняя в своей жгучей ненависти не замечала детей Эгна и не слышала их молитв о пощаде. Никого и ничто не жалела безумная — гибли люди от жидкого пламени, расплескавшегося по земле, задыхались от смрада горы. Но обхитрил Летнюю Хранитель зимы — сманил он её незаметно в прохладную реку и поймал в ледяные оковы.

*«В безумии разум твой сгнил... о, горе!
Ужели не видишь, что край этот вскоре
стараньем твоим обратится во прах?
Что сеешь повсюду погибель и страх?
Отравлены мысли корыстью с гордыней,
черны, как гнильё, дух и сердце отныне,
и злоба в глазах, что сияли с улыбкой...
о, звёзды! Да разве такие ошибки
искупишь? С тобой погибает природа —
ты гнусный предатель меня и народа,
который со мной поклялась защищать.
Судить я не стану. Твой нрав укрощать
доверю земле, она пыл твой остудит,
и срок для смирения верный присудит.
В горе будешь спать, а в рассудок вернёшься,
и снова для царствия в мире очнёшься.
Но даже исчезни мы оба с тобою,
всегда дети Эгна должны жить в покое.
Бесчинствам твоим положу я конец.
Пусть после рассудит нас Эгн-Всеотец».*

Сказал это Студёный и выдрал из сердца Летней, что стало темнее ночи, её половину от Искры творения. Вместил Хранитель зимы в свою грудь целую Искру, и засиял он заревом новой звезды. Взмахнул он рукой, и Летняя провалилась сквозь землю, растворившись в огне горы, и заснула в глубинах земли.

Наполняла Студёного жгучая сила, да только прежде не знали ни он, ни Летняя, что не мог ни один из Хранителей вынести силу полной Искры творения. Чувствовал Студёный, как мало времени есть у него. Остудил он пылающую гору и сотворил на ней вместо дотла сожжённого леса прекрасные ледяные деревья с красивыми снежными яблоками и травы из тонких ледяных паутинок. Как умел, созидал он и восстанавливал прежний порядок вещей. Искра всё плавил его хрупкое тело пламенем самих звёзд, а он всё творил и творил, дыша полной грудью, как настоящий Бог. Но всё же, как бы ни был Студёный силён, быстро пришло его время, и рассыпался он мириадами дивных снежинок, укрывших весь мир пеленой долгожданного сна. Заснул с горой под прахом Студёного и весь город, и все, кто остались в нём.

Да только разбилась на тысячи дивных осколков и Искра творения вслед за прежним вместилищем — чистым сердцем Студёного, и те разлетелись по миру, осыпав землю хрустальными брызгами. А Художник теперь их ищет по всему свету, чтобы исполнить своё обещание, данное давнему другу, и с помощью Искры творения вернуть северогорье к жизни. Ведь не проснётся Студёный до тех самых пор, пока не покинет Летняя плена заснувшей горы. И не сможет очнуться Застывший город от зимнего долгого сна, не смогут проснуться ни горы, ни воды извилистых рек.

Но, говорят, однажды, когда соберёт по крупицам Художник прежнюю Искру творения, смирит во сне Летняя свой пылкий нрав, обретёт она прежний покой, и земля отпустит её на волю, а тогда и Студёный в момент пробудится.

И говорят о том неспроста.

Ведь только когда примирятся Хранители лета с зимой и вместе, как предназначено, в назначенный час возвратят Эгну Искру — тогда лишь вновь воцарится мир и покроются цветом земли Хрустальных гор.

Часть 1. Дневник

С самой первой в своей жизни книги человек неизбежно становится путешественником. Ведь каждая книга — это дорога, страница за страницей ведущая вглубь неповторимой истории. И если она увлекла — значит, ты уже стал путешественником.

– I –

«Завтра мне исполняется двадцать лет. По старым поверьям двадцатый день рождения надо встречать на природе, так что я позвал друзей покататься на бочках и поесть бутербродов возле реки за мельницей. Вот только что-то подсказывает мне, что настроение у всех нас будет не самое праздничное.

Сколько я себя помню, о войне с йонсанцами говорили всегда — все те годы, что я рос в Стáрмосте, а затем, после переезда, и в Мáлахите. Но за пятьдесят лет о ней постарались забыть, и она стала чем-то нарицательным. У нас даже есть выражение «отложить до йонсанских времён» — тех, что, может, когда-нибудь и наступят, но точно не скоро. А лучше — и вовсе никогда.

Ещё одна война с йонсанцами была никому не нужна. Я не застал масштабного конфликта Йонсанской империи с равнинными народами, отгремевшего более полувека назад, и рос в то время, когда их земли уже превратились в закрытую неприступную цитадель. В обороняемую крепость из гор, в которую проникнуть извне можно было разве что по частям, и ни одна живая душа не могла предположить, чего от них следует ожидать.

Задолго до войны климат в северных горах разительно изменился. Их уже никто не мог назвать северными, настолько в них стало тепло. Экономические и политические отношения Йонсана с соседними государствами становились всё более напряжёнными — одна из самых развитых цивилизаций мира обладала, помимо прочего, территориями, богатыми ресурсами, которые с изменением климата стали только приумножаться, и контролировала несколько значимых торговых путей, которые стали доступны и безопасны почти круглый год. Но пятьдесят лет назад, когда внезапно исчез Хеймкрéйн — северная столица, наукоград и торговый форпост йонсанского народа, северные горы в одночасье сковали суровые морозы, каких свет не видывал, и они превратились в настоящую ледяную могилу. Хеймкрéйн не был разрушен — по заверениям тех, кому довелось воевать в северных горах и вернуться, он именно бесследно исчез. Тогда же йонсанцы развязали войну со всеми, кто только попался им на пути. Они шквалом пронесли по нашим и соседним землям, захватывая все интересующие их территории и истребляя тех, кому они принадлежали ранее, а добравшись до восточного предгорья просто исчезли, укрыв за колоссальной Ордосской завесой все свои земли, включая захваченные. Формально, конфликт прекращён не был, и йонсанцы так и остались всеобщими врагами, несмотря на своё исчезновение. Их имели в виду, но держать оборону против несуществующего врага не было смысла — с момента первой войны йонсанцы больше ни разу не показывались из-за завесы. Так продолжалось до тех пор, пока месяц назад от Калахáнской равнины и до самого Северного моря не прокатилась взрывная волна, превратившая все окрестности Ордосской завесы в выжженную пустыню вместе со всеми, кто там жил. С этой волной по всему миру прокатилась и новая волна страха.

После взрыва в Ордосской завесе образовалась брешь, обнажившая область, носившую дивное название — Воронье горы. Тогда-то Эверния, возглавляющая весь Эвернийский Альянс, и объявила призыв.

В моём детстве ходила масса страшных историй о том, что творилось за Ордосской завесой — неизвестность плодила их как сорняки. Особенно потому, что с момента появления завесы прилежащие к ней земли начали медленно иссыхать, превращаясь в Пустоши — они расплзались, как плесень, всё дальше и дальше от завесы. Людям приходилось покидать места, которые их семьи обживали столетиями — их гнали прочь засуха, мор и болезни неизвестной природы, возникавшие в Пустошах. Говорят, йонсанцы чем-то отравляют соседские земли, да только никаких известных ядов и химикатов ни в почве, ни в воздухе не обнаружилось. В конце концов причиной климатических изменений и возникновения болезней объявили саму

Ордосскую завесу, ведь растения и животные не могут защититься от сильных энергетических полей, и люди тоже подвержены их влиянию. Завесу пытались уничтожить или хотя бы пробить, но всё без толку — никакие снаряды её не брали, а учёных и военных, даже самых лучших и подготовленных, разбирала лихорадка от одной попытки приблизиться к ней. Потому ценность плодородных, находящихся на безопасном расстоянии от завесы, пригодных для жизни земель возросла до небес — и Альянс, пожалуй, понёс наименьшие потери из-за Пустошей по сравнению с другими странами континента¹. По крайней мере, до недавнего взрыва.

Самих же йонсанцев со времён войны превратили в полноправное олицетворение и сосредоточие зла на земле. В расхожих байках они представляли ужасающими монстрами, в которых, несмотря на людской облик, не осталось ничего человеческого. Подобно всевозможным зловредным духам и мифическим существам, они отличались коварством и жестокостью, ели и убивали людей развлечения ради, предварительно зверски измучив и изуевчив их, умели колдовать, и делали ещё много поистине жутких и сверхъестественных вещей. Впрочем, вряд ли этим рассказам стоило удивляться после всего, что йонсанцы натворили на самом деле... Но стоило обратиться к древним сказаниям самого йонсанского народа, как вихрь красочных образов уносил воображение в поистине дивные волшебные миры.

Впервые прочтённые в детстве, эти необыкновенные истории с первых строк вызвали у меня неподдельное восхищение, буквально влюбив в эту горную страну и заставив перечитывать книгу сказок множество раз. Одну из историй я любил особенно сильно и ни в одной из книг больше её не встречал — она была дописана вручную на тэсцинте² в потрёпанной книжице, которую отец однажды купил на кочующем блошином рынке за городом задолго до моего рождения. Листы с ней были попросту вклеены, и у неё, в отличие от других чжулуных³ мифов и сказаний, не было названия, и я называл её просто Сказкой — она рассказывала об удивительном противостоянии двух древних божеств и прекрасном Застывшем городе, раскинувшимся в Хрустальных горах. Но детство проходит, оставляя сказки на полках уже прочитанных книг, и вспомнить о Хрустальных горах мне пришлось много позже, когда в мои школьные годы на уроках истории и географии прозвучали первые упоминания о йонсанском народе.

Однажды, читая книгу сестре, я с изумлением обратил внимание на то, что события Сказки странно перекликались с действительностью. После я перечитывал её снова и снова, пока не выучил почти наизусть. Застывший город Хрустальных гор так разительно напоминал мне Хеймкрейн, затерянный в Вороных горах, что я не мог отделаться от ощущения, что он, как и в Сказке, всё ещё где-то там, спит под прахом Студёного и ждёт своего часа. Конечно, это преувеличение, ведь в Студёного и Летнюю я не верил, но всё остальное вызывало неподдельный интерес. С тех пор я практически заболел культурой йонсанцев и выжал всё, что мог, из школьной библиотеки и позже, поступив в университет, перетряхнул все материалы, до которых только могли добраться руки простого студента. Но этого было по-прежнему мало. Ещё в детстве мне казалось, что Сказка — не дописана, и не раз я задавался вопросами о её продолжении. Что стало со Студёным и Летней? Смог ли Художник вернуть им Искру творчества и

¹ Здесь и далее, если не указано иное, под континентом понимается самый крупный из трёх материков на Эле под названием Каледония, на котором в том числе располагается и современный Альраун.

² Тэсцинт — общемировой язык, оставшийся пережитком древней Тэсцинтской Империи, объединявшей практически все земли Каледонии, двух других континентов Элы, Гондваны и Тетиса, и нескольких крупных архипелагов. Империя просуществовала немногим более ста лет, но она оставила грандиозный культурный отпечаток на завоеванных народах. С её распада началось новое летоисчисление, но от языка, тэсцинта, отказываться уже не стали из-за его глубокого укоренения во всех сферах жизни, от науки и торговли до религии и быта. Тэсцинт по-прежнему изучают на базовом уровне во всех школах и, на более продвинутом, зачастую узкоспециальном уровне, в высших учебных заведениях, на него переведены большинство художественных произведений, научных трудов и иных материалов. Но, несмотря на удобство и очевидные преимущества его использования, устное общение на тэсцинте со временем стало принято только с иностранцами в случае, если коммуникация на национальном языке посещаемой страны затруднена.

³ Чжулуны — совокупность северо-восточных народностей Элы, включающая йонсанцев.

примирить двух божеств? Проснулся ли город? Тогда, ребёнком, я надеялся, что, может, кто-то переписывал Сказку из другой книги и не успел закончить, или просто забросил, устав. Не просто же так, думал я, после её окончания внутрь было вклеено ещё несколько пустых листов! Я верил, что мне удастся однажды прочесть историю целиком, и после, когда я увидел связь Сказки с реальностью — это желание разгорелось во мне с новой силой. Но ни в других сборниках мифов, ни где-либо ещё мне ничего не удавалось найти, и чем больше времени проходило, тем больше мне не давало покоя, что нигде, кроме моей книги, не было даже чего-то отдалённо похожего на события Сказки. И всё же я продолжал искать.

Я пробовал выспрашивать отца, у кого конкретно он купил книгу с легендами, но ничего, кроме ярмарки, мальчонки-шадхавари, которых часто оставляли за прилавками родители, и книжного развала он за давностью лет вспомнить не мог и не понимал, чем так вызван мой интерес к чьим-то выдумкам — как я уже говорил, о йонсанцах только ленивый тогда не придумывал «сказок».

Я же с трепетом разглядывал каждый рисунок, дополнявший текст, и снова и снова водил пальцем по аккуратным убористым строкам, вписанным тем, кто, возможно, был свидетелем событий в Вороных горах и попытался, как мог, тайно сообщить миру об истинных причинах исхода йонсанцев из северной столицы. И чем больше я погружался в историю йонсанцев — тем сильнее загорался верой в правдивость Сказки. Хотя бы отчасти. Я строил теории относительно событий полувековой давности, составлял свои карты с заметками и разборами зашифрованных в сказочных образах истин, втайне болея идеей отыскать столицу северных гор. Нет, не так, поначалу я просто *бредил* этой идеей, и с жаром делился с сестрой и друзьями своими догадками и размышлениями, глубоко не вдаваясь, тем не менее, в свои гипотезы относительно Сказки, однако даже то малое, что я рассказывал им, быстро вгоняло моих товарищей в скуку. Наверное, они чувствовали себя так же, как если бы вместо меня, одержимого Вороными горами, ежедневно выслушивали какого-то сектанта, но на то они и друзья, чтобы поддерживать самые сумасбродные интересы и затеи друг друга и останавливать тогда, когда это становится слишком опасным. Я черту не пересекал, так что к моей увлечённости друзья относились с пониманием и с наставлениями не цеплялись.

Это с лихвой объясняет, отчего я сидел как на иголках с того самого дня, как услышал о эвернийском призыве — они набирали рекрутов в том числе для отправки в Вороные горы. А приход эвернийцев с призывом в Малахит — всего лишь вопрос времени. Хотя Эверния не имела прямой власти над Альрауном, страной маленькой и мирной, будучи частью Альянса последний всё равно обязан был выполнять квоты на призывников. Если вводилось военное положение, даже наша учебная отсрочка переставала иметь силу. И пусть сейчас военное положение до окончания разведывательных экспедиций введено не было, Эверния определённо готовилась к худшему — известие о начале призывной кампании украшало первые полосы всех газет наравне с сообщениями о появлении бреши в Ордосской завесе. *“Призывные повестки должны быть переданы всем военнообязанным Альянса в кратчайшие сроки”*, — говорилось в этих сообщениях, а значит нам оставалось только ждать».

— Эй, что с тобой? — шёпот Тима привёл меня в чувства лучше, чем болезненный тычок пером в предплечье. — Не спи! Опять пол ночи читал свои сказки?

Отмахнувшись, я медленно выпрямился, но тут же изогнулся в обратную сторону, уставившись в потолок лекционной залы.

— Это не просто сказки — это история, Тим. Единственная возможность познакомиться с закрытым государством, которое, между прочим, роет нам всем могилу. Неужто тебе не интересно?

Тимиан был не из доверчивых. Чтобы поверить во что-либо, ему нужно было всё проверить на зуб самому — так он, во всяком случае, всегда старался себя показывать. Перегнав анисовую карамельку от одной щеки к другой, он скривился:

— И кто же, по-твоему, писал эту «историю», где доказательства её достоверности? Так и вижу: сидит градоправитель где-нибудь в Леканоре и проводит цензуру всего, что летописец накарябал в своих книжицах, и велит тому записывать под диктовку. И вдруг в средних веках при Вейлоке Громком и трава была зеленее, и народ был довольнее, и Великого пожара не было — ну, только в соседнем государстве, а у них в столице — нет, прямо курорт. Кто потом через пару сотен лет проверит, так оно было или совсем по-другому? Йонсанцы вот, как ты выразился, «роют» нам «могилу» уже больше пятидесяти лет, и ещё столько же будут, если ещё не издохли там все за своей завесой, а уж это скоро станет известно — надеюсь, они все там взлетели на воздух, как кастрюля на карбиде. Где ты о них правду найдёшь после войны, когда всё наверняка десять раз переписано? Они же враги, и будь они даже на самом деле скотами последними, у нас всё переиначат так, чтобы они в сотню раз хуже выглядели. Тем более в сказках. Я же вижу, что ты не пишешь — что у тебя на уме опять, ну?

— Потом, — шепнул я, наскоро переписывая формулы с доски. Посмотрев на мои жалкие попытки хоть что-либо успеть, Тимиан аккуратно вынул лист с началом сегодняшнего конспекта из своей тетради и пододвинул ко мне.

— Держи. Перед экзаменом тетрадь дать не смогу.

Раздался громкий стук, прервавший преподавателя и нашу с Тимом увлекательную беседу на полуслове. В дверном проёме показался хмурый эвернийский офицер, а за ним — несколько рядовых, одни с листовками, а другие с повестками в руках. Преподаватель коротко кивнул ему и тот заговорил так громко, что Кормак, в отличие от меня действительно спавший на задних рядах, встрепенулся и уставился на нежданного гостя как разбуженная посреди ночи сойка.

— Молодые умы Альрауна. Сегодня Эвернийский Альянс как никогда нуждается в ваших светлых головах и умелых руках. События, развернувшиеся в Вороних горах, требуют от нас всецелого и незамедлительного участия. По всем странам Альянса созываются лучшие, готовые встретиться лицом к лицу с йонсанцами, чья жестокость не нуждается в представлении. Их цель одна — превратить всех, кто отличается от них, в животных, а тех, кто не склонит колен — уничтожить. Зверства Йонсана бесчисленны — ваши прадеды и деды героически пали, чтобы противостоять той безудержной резне. И они преуспели, надолго заставив йонсанских тварей трусливо спрятаться за своим заслоном. Но сейчас они снова обрушились на наши земли, и не за горами день, когда на месте тех невинных, кто погиб у Ордосской завесы, под их смертельным ударом окажемся мы. Драконья пасть уже ощерилась в нашу сторону. Эти безумцы готовы растоптать мир и попать свободу в угоду своим желаниям — убийцы без чести и достоинства, которым мало уже пролитой крови, чтобы утолить свою жажду насилия и мнимого превосходства. И если вас также разбирает гневная дрожь при одном упоминании этих чудовищ, то вы — мои друзья и собратья, — офицер окинул аудиторию полным огня и решимости взглядом, от которого внутри что-то ощутимо всколыхнулось. Мужчина сделал короткую паузу и глубоко вдохнул.

— Мы — нет, я лично обращаюсь к вам, как человек, как часть нашего великого народа. Мне не страшна смерть, пока на моё место можете встать вы и продолжить борьбу. Борьбу с теми, для кого наши жизни — пустой звук. Мы должны действовать вместе, защищая то, что нам дорого. Ведь только объединившись, как пятьдесят три года назад, мы способны остановить тот хаос, тот безжалостный поток скорби, что готов затопить наши земли. Без вас — этот мир невозможен. Каждый из вас, — офицер обвёл рукой весь зал, а затем отдельно указал на нескольких моих сокурсников, — Ты, ты и ты, все мы — имеем вес. Наше светлое будущее, покой семьи и любимых — в наших собственных руках. В нас ключ к победе, к воцарению мира и понимания, и никто, кроме нас, не способен сделать небо над нашими головами свободным, чистым и ясным. Поднявшись сейчас единой стеной, мы не дадим врагу склонить наши головы. С вами — все силы Альянса. Так будьте же смелыми и встаньте в одни ряды с

теми, кто самоотверженно встаёт на защиту своего народа, своей Великой родины и мирового равновесия! — сложив руки за спиной, офицер ещё раз пристально обвёл глазами всю лекционную и встретился взглядом с Тимом. С глухим стуком он поднялся по деревянной лестнице до нашего ряда и положил перед моим другом листовку. Тим коротко взглянул на неё, и, не протянув за ней руки, снова посмотрел прямо в глаза офицеру.

— Вот Вы, молодой человек. В Ваших глазах я вижу отвагу и доблесть, черты лучших из лучших. Как Ваше имя?

— Марш. Тимиан Марш, мол⁴ офицер, если это имеет значение. Вот только Вы ошиблись. Мои *умелые руки* и *светлая голова* без всяких подвигов пригодятся на войне гораздо больше в любом альраунском заводском цеху.

— Геб⁵ Марш! Как Вы смеете так разговаривать? Я... — гневно воскликнул наш пожилой учитель, но офицер движением руки прервал его и снова обратился к Тиму.

— Не волнуйтесь, мол Тёрнер. Насчёт завода — воля Ваша, геб Марш, каждый сам кузнец своей судьбы. Не каждому выпадает счастье знать своё место, — офицер перевёл взгляд на Кормака. — А Вы, молодой человек? В Вас виден потенциал.

— Всегда рад служить отечеству, — Кормака приподнял листовку. — И я послужу ему во сто крат больше, если скажу, что сосед геба Марша просто горит от нетерпения вступить в ваши ряды.

Других соседей, кроме меня, у Тимиана не было, и вот — с холодной заинтересованностью эвернийский офицер уже буравит меня взглядом насквозь. Не дав Тиму, от злости стиснувшему зубы, ответить на выходку Кормака, я поднялся и сглотнул, чтобы немного смочить пересохшее горло. И всё равно мой голос прозвучал хрипло и недостаточно громко.

— Меня зовут Тео... Теоган Тис. Я давно изучаю историю йонсанцев и буду надеяться, что мои знания смогут принести Вам пользу.

— Офицер Сидмон, — кивнув в знак приветствия, мужчина положил ещё одну листовку на стол и ладонью подвинул её ближе ко мне. — Если это так, то Ваша осведомлённость похвальна. Врага надо знать в лицо. Отрадно будет видеть Вас в наших рядах, геб Тис.

Сидмон зашагал обратно, вниз по лестнице, обратившись, на сей раз, ко всем.

— Как и любого из вас, кто предпочтёт быть в авангарде перемен, а не отсиживаться на задворках. На принятие решения у вас есть три дня. Вся необходимую информацию вы найдёте в своих листовках. Какое бы решение вы не приняли, я желаю вам удачи. И помните, это — наше общее дело, и в конце концов никто не останется в стороне.

Отец делился очередным врачебным курьёзом и бегло просматривал сводку новостей — я не особо вслушивался, но, кажется, один незадачливый хирург умудрился зашить какой-то инструмент в животе оперируемого. Мать, смеясь, привычно развешивала у окна травы для лугового чая, пока на огне подходило овощное рагу, а сестра в ожидании ужина пыталась запечатлеть угольным карандашом эту почти идиллическую семейную картину, от одного взгляда на которую мне теперь вдруг становилось не по себе. Я сжал в кармане повестку и уставился в стол. Тим прав, мы, два химика-инженера, гораздо больше пригодимся стране на заводах, и надо быть самоубийцей, чтобы лезть в самое пекло, но я мечтал увидеть Вороньи горы, и вот — у меня есть шанс, которого может больше не представиться. В моём кармане — настоящий счастливый билет. Но насколько счастливый? Когда разразится настоящая война, в одночасье может не стать ни родных голосов, ни уютной кухни, ничего, к чему я мог бы вернуться и что мог защитить. Остаться или уйти — что будет лучше, чтобы оградить мою семью от несча-

⁴ Мол — в Альрауне обращение к уважаемому собеседнику, старше по рангу, званию, возрасту и/или социальному положению. Миль — вариант такого обращения к женщине, в том числе замужней.

⁵ Геб — в Альрауне обращение к равному или более низкому по статусу и/или возрасту собеседнику. Гиб — вариант такого обращения к незамужней женщине.

стей? Что я должен был делать, какой выбор — правильный, и правильный ли хоть один из них? В который раз осмотрев блестящие керамические ложбинки глиняной тарелки, испещрённые паутиной трещин, я подорвался было помочь матери с кастрюлей, чтобы сделать хоть что-нибудь, не сидеть просто так, и стал разливать по тарелкам рагу, но этого было ничтожно мало. Невыносимо было просто смотреть и так бездумно тратить драгоценное время. Отец, оторвавшись от чтения вечерней газеты, всё это время не сводил с меня глаз.

— Ты совсем бледный, Тео. С тобой всё в порядке?

— Да... да. Всё нормально, спасибо. Я просто, знаешь, головой весь в нашем с Тимом проекте. Думаю, не буду сегодня ужинать — не могу ни о чём думать, пока не закончу свою часть.

— Но, Тео, ты уже налил себе рагу... — растерянно сказала мама.

— Всё в порядке, я съем его позже — просто оставьте мою тарелку на столе.

Для вида взяв со стола картофельную лепёшку, под пристальным взглядом отца и матери я через две ступени метнулся по лестнице вверх. Я не мог им сказать о визите офицера Сидмона — я не знал, что именно должен был им сказать. Уйти или остаться? Чтобы удовлетворить своё желание не сидеть сложа руки, я, едва захлопнув дверь, незамедлительно приступил к работе — мы с Тимианом подали заявку на конкурс для молодых инженеров, и победа, помимо денег, могла открыть перед нами новые карьерные перспективы. До сдачи проекта оставалась неделя, так что мне следовало поторопиться со своими доработками, и не меньше я надеялся, что кропотливый труд отвлечёт меня от тревожных раздумий и гнетущего ощущения своей нерешительности.

Вот только торопливость редко приводит к хорошему — так и в моих нетерпеливых руках рванул доработанный нами аппарат для дистилляции. Прокашлявшись, я почти на ощупь добрался до окна и распахнул ставни, впуская в комнату свежий воздух. Почти ничего не слыша после взрыва и пытаясь бороться с резью в глазах, я глядел на тревожно пламенеющее закатное небо сквозь чёрные клубы дыма, валившего из моего окна, и вдруг словно кожей ощутил жар надвигающейся войны, столь же густой, мрачной и непроглядной. Она как затмение грозила скрыть солнце спокойных дней и погасить свет множества жизней. Я уставился вдаль и не мог отвести взгляда в оцепенении — видение, посетившее меня, казалось почти осязаемым. В запахе гари мне мерещилась вонь опалённых тел и раскалённого металла, вокруг словно бы слышался оглушительный рокот разрывающихся снарядов и крики отчаяния, и будто сама земля тонула в густом чёрном смоге. Столько ненужной крови, столько горьких слёз проливалось на эту землю! Мой взгляд опустился на испачканные руки, но видение не отступало — я смотрел на них в страхе, словно бы в моих ладонях взорвался не пустяковый прибор, а с последним, самым громким одновременным ударом чужих сердец в одночасье разорвалось сплетение чьих-то судеб. Из-за моей единственной ошибки! Из-за моего неправильного выбора! Именно так впервые для меня грянул гром войны: с жаром, оглушительным грохотом и ослепляющей вспышкой, и в ней я уже замарал себя грязью, потому что не мог решиться. Но хотел я того или нет, я уже стал участником тех страшных событий, зарево которых ещё только мерещилось мне на горизонте. Я буду причастен к ним несмотря ни на что, и важно лишь, найду ли я в себе смелость действовать или останусь в стороне. Звон в ушах постепенно стих, и с возвращением слуха ко мне наконец пришла долгожданная решимость.

Так совершенно незначительное для необъятного мира происшествие ознаменовало самый важный переломный момент в моей жизни. Я окончательно ухватился за Вороньи горы как за спасительную ниточку, как за единственно возможный путь. Мы ничего не знали о йонсанцах сейчас, как не могли знать, сколько времени оставалось в запасе до момента, когда они начнут боевые действия и перейдут в масштабное наступление — а они точно не станут долго терпеть чужаков на своей земле, которые сейчас повалили туда, как муравьи на патоку. Может, уже сейчас там разверзлась пропасть, ведущая в подмир. Как говорится, лучшая защита —

это нападение, и это, к несчастью, работало в обе стороны. Прошло уже более полувека — кто знает, что за оружие испытывали йонсанцы, раз перед ним не устояла даже их драгоценная Ордосская завеса? Достав смятую листовку, я в который раз перечитал информацию о месте сбора, хотя знал его и так — благодаря системе, созданной Альянсом, мы все проходили при нём первичную подготовку в последние школьные годы. Улица Флейли, Альраунское военное управление № 1, — оно же единственное в Малахите, — второго числа в полдень. «Может, не так уж страшен морн⁶, как его малюют? Соберись, не будь тряпкой!» — думал я, перебирая все возможные исходы моего «путешествия» к Вороным горам, включая те, в которых я расстался с жизнью. Если нам удастся обнаружить и захватить Хеймкрейн, это может тысячекратно увеличить наши шансы на победу, ведь там, в сердце Вороных гор, все тайны и достижения йонсанцев. Именно там — возможность узнать, как окончательно сломить Ордосскую завесу и обратить оружие врага против него самого. Чтобы унять дрожь в руках, я только сильнее сжал подоконник. В мою дверь настойчиво забарабанил отец, взволнованно зовя меня по имени.

Но, в конце концов, всё это не имеет значения. Сидмон прав — только мы сами, своими руками способны построить лучший мир. То, что произошло в Вороных горах, что бы это ни было на самом деле, не должно повториться. И если Сказка правдива, а я верю, что она правдива, то именно в моих руках лежит единственный ключ к тому, что произошло за Ордосской завесой и как не допустить этого снова.

⁶ Морны — мелкие враждебные духи в верованиях альраунцев и ряда других народов Альянса, почитающих богиню Дэйрин.

— II —

Тим, устроившись верхом на бочке, бросал в воду камешки. Ридли и Бранд сидели на старом пледе и уплетали бутерброды между бросками кубиков на игровое поле.

— А он возьми да и ляпни — вот этого берите, он на всё готов, а моё дело левое. Помните моё слово, я этому Кормаку морду разобью, пусть только попадётся мне на глаза, паскуда, — Тим с силой швырнул ещё один камень в воду, и тот с глухим всплеском пошёл на дно, оставляя широкие круги на водной глади. Из осоки грузно выскочила лягушка и недовольно квакнула.

— Не опускайся до уровня этой свиньи. Да, он поступил мерзко, но ему мироздание и без тебя даст хорошего пинка, — сказал Ридли, вынимая из корзинки очередной бутерброд. Тим хмыкнул.

— Опять будешь лить в уши свои проповеди про убыло-прибыло? Не верю я в это дерьмо. Если бы это работало, все негодяи издохли бы ещё внутри своих мамаш.

Ридли только отмахнулся и внимательно посмотрел на меня.

— Тео, ты всерьёз собираешься стать добровольцем?

Я кивнул.

— Как ты можешь вообще соглашаться на такое? Продаёшь свою шкуру — так хоть не этим эвернийским козлам! Забудь, что там этот забулдыга Кормак сказал, ты не обязан...

— А к нам этот мужик тоже заходил, — вставил Бранд, стоило Тиму сделать передышку на короткий вдох, и, откусив от бутерброда, продолжил с набитым ртом. — И, знаешь, даже не будучи Тео, я бы тоже отозвался на его пламенные речи. Это называется харизма!

— Да, этот вояка так вдохновенно говорил о героизме и борьбе за родину, что даже я задумался, а не пойти ли мне потрепать парочку йонсанских загривков, — усмехнулся Ридли и, зажав зубами бутерброд, с рыком замотал головой.

Все засмеялись — и смолкли. Где-то вдалеке птицы допевали свои вечерние песни, с заброшенного поля доносился стрёкот сверчков. Солнце растворялось в молочном мареве, а лёгкий ветер едва слышно колыхал пышные зелёные кроны на другом берегу. Из этих звуков будто сплеталась дивная музыка, которую не хотелось нарушать лишним словом, и мы все, как стоворившись, молчали, чтобы лучше прочувствовать это мгновение покоя. Но, к несчастью, даже эта красота не смогла отвлечь меня от назойливых мыслей. Отщипнув кусочек от

бутерброда, я кинул его проплывавшей мимо утке, и она смешно, как поплавок, нырнула за ним вниз.

— Это мой единственный шанс увидеть Вороные горы. И я не хочу его упускать, — я взял игральные кости и бросил на поле. На одной выпало шесть очков, а вторая укатилась в траву и застряла на ребре. — Потом нас всех всё равно призовут, но сейчас меня точно отправят к Вороным горам, а после каждого из нас могут бросить куда угодно. Не знаю только, что сказать родным. Что сказать Генри, если я надумаю увольняться? Бросить университет, работу, вас... да всё, к чему я привык, — я подобрал кость, внимательно посмотрел на неё и показал всем грань с шестью очками. — Но вдруг этот шанс — мой большой куш?

— Ну, нас тебе бросать не придётся, не руби с плеча, — улыбнулся Бранд, достав и протянув мне укатившуюся кость. — Я, например, всерьёз думаю составить тебе компанию.

Поймав красноречивые взгляды Тима и Ридли, Бранд развёл руками.

— Что? Я уже сыт Малахитом по горло. Ни девочек красивых, ни нормальной работы — ничего здесь нет! Даром что столица. Мне нужен глоток свежего воздуха, я хочу впечатлений, увидеть мир. А не понравится — останусь в каком-нибудь городке по пути, и ну их к морну, эти горы.

— Тебя отправят под трибунал, идиот ты эдакий. Это же дезертирство, — я засмеялся, приободрённый поддержкой Бранда, заново бросил кости и на сей раз передвинул свой утюжок на пять полей вперёд. Не лучшая комбинация, но удача — девушка непостоянная, а нас всё-таки было четверо.

— Да и про девушек — это ты очень зря. Кто ищет, тот всегда найдёт, — философски заметил Ридли, очертив руками в воздухе пышную девичью фигуру напротив женского корпуса университета, башня которого виднелась вдалеке. — Но куда все, туда и я. Если вы решите совершить опасное и непредсказуемое путешествие туда и обратно к каким-то горам, придётся идти с вами и искать хорошеньких барышень там, где придётся.

— Я знал, что ты нас не бросишь, — стараясь удержать серьёзное лицо, Бранд похлопал Ридли по плечу. — Будь у меня борода, в ней бы сейчас могла затеряться скупая слеза мужской солидарности.

Все были навеселе, но явно не Тимиан. С каждой секундой продолжавшейся шутки его лицо приобретало всё более серьёзное выражение, если не сказать мрачное. Он долго смотрел на нас хмурым взглядом, как на неразумных детей, но в конце концов не выдержал.

— Прекратите нести чушь. Это не наша война. И Эверния — точно не та страна, за которую стоит снимать с себя рубашку, будь она даже не последней. Вы не думали, что Малахит, да и весь Альраун — такое болото только потому, что над ним стоит эта гнилая эвернийская верхушка со своими грязными политическими решениями? — Тимиан, казалось, готов был взобраться на бочку, как на трибуну, но вовремя осёкся и только с раздражением повыше закатал рукава и забарабанил пальцами по крышке. Весь он, тонкий и жилистый, в одно мгновение напрягся, как струна, вот-вот готовая лопнуть. — Вся эта затея никчёмна. Если и вернётесь с войны, то всё, чего вы добьётесь — это спасибо за то, что остались живы. Героями себя возомнили? Слава, девушки, что ещё вы там себе навдумывали? Опомнитесь, у вас есть семьи, которые вас любят и ждут. Ты, Тео — на что ты надеешься? Что такого тебе хочется там увидеть, чего не найдёшь в других горах? И не говори про свои морновы сказки. Так ты объяснишь родителям, что ввязываешься в эту авантюру? Из-за сказок? А ты, Бранд? Скажешь всем своим братьям и сёстрам, что их кормилец бросает их ради игры в войнушку просто потому, что его левой пятке приспичило? Или может быть Ридли бровью не поведёт, когда увидит лица своих родителей, провожающих единственного сына на бойню? Да морна с два! Попомните мои слова, когда вы в первый раз столкнётесь лицом к лицу с «врагами» — такими же парнями со своими жизнями и мечтами, которые ничем не отличаются от вас, кроме языка и внешне-

сти, вы тысячу раз пожалеете, что добровольно встали на этот конвейер, и проклянёте день, когда решили покинуть дом просто из-за морнового шила в заднице и недостатка мозгов.

Слова Тима, жгучие и колкие, отзывались внутри тяжело, и это ощущение не покидало меня, даже когда он смолк. Его можно было понять — Эверния забрала у него и родителей, и средства к существованию, оставив на попечении одной только бабушки. Когда ушла старая миль Марш, Тим совсем сник и замкнулся, и только с теми немногими близкими людьми, что у него остались, позволял себе раскрываться. Во всех наших семьях он всегда был желанным гостем и для каждого из нас был почти родным братом, но в отличие от меня, Бранда или Ридли самого Тима в его тихом домишке на окраине Малахита никто не ждал. А теперь ещё и мы заявляем ему, что собираемся рисковать жизнями на войне, да к тому же за Эвернийский Альянс. От этого осознания у меня разве что уши не загорелись со стыда. Я съёжился, как будто мне — пять, и дедушка отчитывает меня за разбитый глиняный горшок.

— Эй, остынь, не горячись так, — Брандан прислонился спиной к стоявшей за ним бочке и стал шарить рукой во внутреннем кармане пиджака в поисках трубки. — Мы просто шутим. Ясное дело, никто из нас не побежит сломя голову записываться в ряды добровольцев. Нужно всё хорошенько взвесить, обсудить с родными — никто и не спорит. Но если говорить начистоту, лично я готов поддержать Тео, если он примет решение пойти к армейским. Считаю, дело принципа. Какая мне разница, сейчас или через месяц, когда все попадут под раздачу и нас и вправду раскидают по лесам да по полям? Айдан и Тиша уже достаточно взрослые, чтобы я мог спокойно передать им в руки домашние хлопоты и встать на защиту Альрауна. Ты говоришь, это не наша война — но кто, если не мы? Ты видел лес рук в вашей лектории, когда офицер раздавал листовки? Я в нашем — нет. Но я хочу быть готовым, — наконец набив трубку табаком, он, нахмурившись, закурил. — Взгляни правде в глаза — Ордосская завеса пробита, и возможно уже сейчас, пока мы тут прохлаждаемся, кто-то ценой своей жизни сдерживает натиск йонсанцев. Эвернийцы это или кто-то другой, мне неважно. Альрауну рано или поздно придётся принять в этом участие, Альянс не даст нам отсиживаться в сторонке, так что войны уже не избежать и призыва тоже, и лично я предпочту выбрать «рано», чтобы не дать врагу даже шаг сделать как раз в сторону тех, кого я собираюсь покинуть и хочу защитить. Потому что это — как раз моя война. Даже если я не вернусь и моё имя будет высечено на мемориале рядом с именами тех, кто погиб, защищая нас в прошлой войне. Уж если и есть лучшее место, время и компаньоны для такого предприятия — то звёзды сошлись, и они есть у меня именно здесь и сейчас, когда мы можем попасть в один отряд и идти рука об руку, как шли всегда. Ридли отличный медик. Ты, если прекратишь строить из себя националиста, без преувеличения прекрасный инженер. А Тео, не считая его специальности — ходячая энциклопедия йонсанцев, с ним не пропадёшь. О такой команде можно только мечтать!

Тимиан скривился и выдавил из себя тихий едкий смешок.

— А ещё курицы — птицы перелётные. Дело принципа у него, просто Рыцарь Благочестия. Сейчас мы ещё можем доучиться и уехать все вместе куда подальше и от Альрауна, и от эвернийского гнёта. Стать по-настоящему полезными для чего-то, а не разменной монетой Альянса в его политических играх. Живыми остаться, в конце концов! Или ты думаешь, что мы действительно идём бить морды одним только йонсанцам? Пойми ты своей тупой головой, что тут глобальной войной пахнет — эти горы дадут Альянсу шанс торговать с востоком, минуя цертонские пошлины. Никто этого не допустит. На нас и так весь мир зубы точит за удалённость территорий от завесы, и за наглость заявить права на тот несчастный клочок горушки на Альянс весь континент сейчас собак спустит! А кто воевать-то будет? Эверния, скажешь? Нет, рыцарь ты наш, ты воевать пойдёшь, весь Альянс, кроме них, пойдёт — на долгие-долгие годы. И если тот же Ридли сейчас уйдёт на фронт и не погибнет, то на всю жизнь обречёт себя на участь военного фельдшера и больше никогда не вернётся в Альраун. Перед тобой открываются такие же, весьма радужные перспективы. И, не в обиду Тео, на практике его «знания»

могут оказаться бесполезными. Никто не знает, как изменились эти Вороные горы за морновы полвека. Это западня! Даже если нам не удастся уехать, уж лучше на этой войне мы с Тео будем до посинения прозябать в заводских цехах и лабораториях, а вы в городском госпитале — спасать гражданских, всё полезнее, чем на передовой. А если ты думаешь, что в этой мясорубке от вас троих будет хоть что-то зависеть, то ты круглый идиот.

— А может всё наоборот! Не думал, что когда-нибудь скажу это тебе, но ты просто трус, Тимиан Марш. Только и можешь, что языком молоть, какие эвернийцы плохие да никчёмные — это твоя война, да? Сеновальный ты критик! — Бранд, подавившись дымом, закашлялся, но его взгляд красноречиво говорил о том, что ему не удалось выразить словами.

Тимиан сжал кулаки так, что их костяшки побелели, и отчеканил металлическим голосом:

— Моя война — это моё дело, Брандан Майоран, и не тебе совать в него свой длинный нос. Моя война не забирает жизни. Можешь звать меня трусом, пока язык не отвалится, но вот ты точно безответ...

— Ты меня правда переоцениваешь, Бранд, — вмешался я, заметив, что спор перешёл все мыслимые границы и ребята напряглись, как два бешеных пса, готовых броситься и насмерть вцепиться друг другу в глотки. — Тим прав, вы с Ридли будете во сто крат интереснее для Альянса, чем я — медики на фронте нужны гораздо больше, чем такие инженеры, как мы с Тимом. И я не хочу для вас такой участи. Вам не обязательно идти со мной, и, не поймите меня неправильно, но я буду счастлив, если все вы останетесь здесь. Альрауну, по крайней мере сейчас, ничего не грозит, а Эвернии просто не хватает рекрутов для разведки и первых пробных стычек. У них много ресурсов, мощный боевой арсенал, но по сравнению с Йонсаном их армия блекнет. Им критически необходимо пушечное мясо. Мы. Я рад, что вы с Ридли поддерживаете меня, но я на стороне Тимиана. Это самоубийство, — небо налилось красным, а солнце неминуемо падало в воду и плавилось, чтобы потушить своё пламя и загореться на заре нового дня. Брандан и Тимиан, постепенно сбавляя пыл, внимательно слушали. — Просто спросите себя, будете ли вы жалеть, если отложите первую повестку, пока можно, доучитесь и останетесь в Малахите. Уверен, что нет. А вот я — буду. И это только моё желание. У меня свои мотивы и причины идти в самое пекло, которых у вас, готов спорить, просто нет. Если не сейчас, если не Вороные горы, то всё потеряет для меня смысл. Это не розыгрыш книжницы Мейбл, где мы могли подсобить друг другу. Это действительно не ваша война, но она — моя, по ряду причин моя, и я не хочу, чтобы вы рисковали своими жизнями просто за компанию. Так что успокойтесь оба. Я ещё ничего не решил до конца. Но я честно склоняюсь к тому, чтобы уйти. Одному, — добавил я с нажимом, посмотрев открывшему было рот Брандану прямо в глаза.

— Ну вы и остолопы, — только и выдавил Ридли, осторожно наблюдавший за нами всё это время. — Только посмотрите на себя. Препираетесь вы, а стыдно почему-то мне. Хуже баб на рынке, честное слово. Будь моя воля, обоих бы окунул головами в бочонок с холодной водой и подержал там, пока пузыри идти не перестанут.

— Тебя только не спросили, кудряшка, — огрызнулся Тим.

— Кудряшку я тебе ещё потом припомню, щербатый, да только вы, олухи, своей дурной перепалкой только что дали Тео все карты, чтобы всех нас бросить гнить в Малахите и геройствовать одному, ведь его желание сегодня — закон. Ай молодцы, ай да мозгоправы, ничего не скажешь, потрудились на славу! — с укором громко цокнув несколько раз языком, он сокрушённо покачал головой и вздохнул. — Придётся исправлять, что вы тут наворотили. Или я один ещё помню причину, по которой мы здесь собрались? У Тео сегодня день рождения, между прочим, и, раз такое дело, надо напоить его так, чтобы завтра и послезавтра он даже встать не смог, а там и призывная кампания кончится! Тогда и думать ни о чём не придётся! Будем гнить тут все вместе, зато припеваючи, — он постучал пальцем по своему

виски и, заговорщически улыбнувшись, достал из-за пазухи бутылку виски и победно помахал ей перед собой. — Это часть твоего подарка, Тео, и я хотел торжественно вручить его после катания на бочках, но раз уж такое дело, то вскроем мы его прямо сейчас под мою ответственность, найти бы только, чем... — Ридли начал шарить в корзинке с бутербродами в поисках чего-либо, подходящего на штопор. — Великолепный виски! Десятилетней выдержки в дубовой бочке — даже самая жаркая ночь покажется тебе пресной после такого напитка, клянусь всеми книжками милочки Мейбл! Жаль, её нет здесь с нами, её маленькие каблочки бы сейчас оченьгодились...

Не знаю, как Ридли это удавалось, но это было далеко не первый раз, когда он превращал самый захудалый день в настоящий праздник. Он всегда находил нужные слова, чтобы каждый из нас мог просто улыбнуться и забыть обо всём, что случилось плохого. И словно не было этой ссоры, а настроение стало даже лучше прежнего. Виски мы так и не распили, потому что штопора нигде не оказалось, а всё, что мы нашли на мельнице и попытались использовать вместо него, не сработало — пробка сидела слишком плотно, настолько, что будь в этой бутылке не виски, а письмо с необитаемого острова, несчастный, его отправивший, так и остался бы доживать свои дни на той одинокой земле. В конце концов, даже на бочках покататься мы практически не успели — мы вначале спустили их на воду, но вскоре поняли, что в сгустившихся сумерках сплав может оказаться опасным, и быстро втащили бочки обратно, оставив сушиться на обыкновенно солнечной части берега.

Разошлись мы уже далеко за полночь, когда все истории были рассказаны, а последний кон в Утюжки — сыгран, и Риорделл получил полноправное первенство вместе со званием короля Утюжника сегодняшнего вечера. От мельницы мы все жили довольно далеко, так что через поле и какое-то время в городе шли вместе, но всё же приличную часть пути каждому из нас предстояло пройти самостоятельно, а мне — едва ли не больше остальных. До покупки собственного дома в Малахите мы несколько лет жили у моих бабушки и деда, так что в школу меня тоже отдали в их части города. Там я и познакомился с Тимом, Ридли и Брандом. Отчасти поэтому после переезда переводиться оттуда я не захотел и до самого выпуска вставал ни свет, ни заря, чтобы успеть добраться к началу занятий. Особенно зимой, помню, заснёшь в трамвае, прислонившись к поручню, и так тяжело выгнать себя на нужной остановке. Даже дорожка до школы казалась нескончаемо длинной, хотя, в сущности, идти там было не более минуты. Мне и сейчас хотелось бы сесть, уткнувшись лбом в оконное стекло, и просто заснуть в тепле под мерное покачивание, да только время было позднее и трамваи ходить уже перестали. Хочешь, не хочешь, а придётся идти пешком. Впрочем, на моё счастье, ночь выдалась тёплой, и прогулка до дома обещала быть приятной — если бы только Тимиан напоследок снова не задел большую струну:

— Обещайте ещё подумать, — он явно тщательно подбирал слова и произносил их вдумчиво, с расстановкой. — Мы полжизни дружим, вместе через какие только сумасбродства ни проходили, но это... слишком. Это не развлекательная поездка, а война, морн подери. Я честно не знаю, как вас отговорить, но очень хочу. Я что угодно готов пообещать: хоть всё лето вас за свой счёт угощать, хоть...

— Подумать только, какой аттракцион невиданной щедрости, — прервал его Бранд и с ухмылкой «выстрелил» в него пальцем. — Я привезу тебе сувенир.

— Не петушись, я серьёзно, — обычно Брандану было довольно легко вывести Тима на обоюдные колкости, но в этот раз Тимиан смотрел на него с холодной уверенностью, не шелохнувшись. — Не стоит этого делать. Силой вас держать, конечно, не стану, но как друг предупредить обязан, что затея ваша насквозь дерьмовая. Соскучились по неблагодарной работе — так лучше гните спины в порту по вечерам или вагоны разгружайте. С этим я вам даже соглашусь подсобить. Но идти на верную смерть...

— Тим. Тим, стой, — Ридли вышел вперёд меня и Бранда. — Мы поняли. Успокойся. И мы обещаем всё обдумать. Не так ли? — сказал он с нажимом, бросив через плечо красно-речивые взгляды на меня и Бранда.

— Само собой, — поддержал я его. Брандан недовольно нахмурился, но всё же кивнул, не проронив ни слова.

— Вот, видишь, — Ридли добродушно улыбнулся и похлопал Тимиана по плечу, — Не переживай так. Проспимся, а там видно будет.

Всё это время Тим поочерёдно следил глазами за каждым из нас, и как бы он ни пытался скрыть свою встревоженность, она всё же проскальзывала в каждом его взгляде, в каждом движении, и даже руки, которые он часто прятал в карманах, были напряжённо сжаты. Дураку было ясно, что слова Риорделла его несколько не успокоили, но он неожиданно отступил.

— Ты прав, меня занесло. Сами разберётесь. Доброй ночи.

Когда каждый из нас свернул на нужную ему улицу, и я остался в одиночестве, мои мысли вскоре действительно вернулись ко всему, что прозвучало сегодняшним вечером. Не столько потому, что я пообещал Тимиану, сколько из-за собственных сомнений по части грядущего призыва. Прокручивая слова Тима и Бранда в своей голове, я снова ощутил себя маленьким мальчиком, который расколол на маленькие черепки новенький расписной глиняный горшок, на который дедушка потратил не один вечер труда за гончарным кругом и столом для росписи. Тяжёлый горшочек небывалой красоты, который я своими маленькими ручками не сумел удерживать и обронил на пол, пытаюсь рассмотреть поближе.

Спешить было некуда, и я только надеялся, что этим шестничным⁷ вечером мама оставила мне кусочек сметанного торта. У меня оставался всего один день, чтобы решить, хочу ли я стать добровольцем эвернийской армии. Я бессознательно свернул в Рябиновый переулок и вышел на улицу Флейли, хотя мне это было вовсе не по пути, и остановился у главного здания военного управления, но, разумеется, в окнах было темно, а все двери были давно закрыты, потому я просто задумчиво прошёл мимо. Около часа, а может, и дольше, я скитался по тёмным городским улочкам мимо окон, из которых всегда прежде веяло мирными снами. Малахит и вправду был слишком тихим городом — может, я слишком везучий, но ни разу за всё то время, что я жил здесь, я не попал в передрагу, поздно возвращаясь домой. Впрочем, ни разу я не встретил и патрулей, охранявших город как призрачные тени — мы ходили разными тропами. Раньше, заглядывая за угол, я не испытывал страха, наученный всеми стариками тому, как не столкнуться с фейри и прочими духами, потому-то и сны, мне казалось, у тех, кто их видит, должны быть здесь лёгкими и безмятежными, но теперь, когда над городом нависала тень грядущей войны, всюду покой был нарушен тревожной неизвестностью. Место моего сознания же словно занял огромный фантаскоп⁸, в котором живо сменяли друг друга образы будущих дней, и я с трепетом следил за ними, как за чарующим танцем виллис — они то возносили меня в парящие сады, то низвергали в самые глубины подмира⁹. О войне я разве что читал и слышал много баек и правдивых рассказов от тех, кто пережил столкновение с йонсанцами полвека назад, и все они были многогранными и непохожими. Что из этого могло ждать меня, прими я решение уйти или, напротив, остаться? Как просчитать события наперёд и быть уверенным, что выбор твой будет верным? Можно было предполагать что угодно в пределах своей фантазии, а моя казалась безграничной — она бушевала, как бурное море, и я задыхался в пучине его солёных волн. В этой никому не подвластной стихии на кон стави-

⁷ Шестник или шестничный день — шестой день недели.

⁸ Фантаскоп — аппарат для проекции изображений, проектор.

⁹ Согласно религии альраунцев и некоторых других народов Альянса, почитающих богиню Дэйрин, душа после смерти, как семечко, либо попадает в парящие сады Дэйрин, прорастает и становится деревом, либо, если душа «испорчена», попадает в подмир (подмирье) — владения божества-антагониста, Белоры, и становится камнем или сгорает дотла.

лась моя жизнь. Я устал гадать. Противоречивые видения опутывали меня тяжёлыми цепями и клонили к холодной земле. Никому не дано знать будущего. Только ковать его самому.

Калитка тихонько скрипнула. Затворив её, я прошёл по извилистой дорожке между высоких зарослей разноцветных дельфиниумов и сел на пороге, прислушиваясь в тишине к лёгкому аромату цветов и ночной прохлады. Нашупав в кармане ключи, я выложил их рядом на ступени и принялся расшнуровывать ботинки, которые кинул затем в корзинку к злополучной бутылке виски. Я вошёл в дом неслышно, чтобы не потревожить покой ни семьи, ни спящих соседей, преодолел ещё одну дверь уже в нашу часть дома и прежде, чем подняться по лесенке в свою комнату, нашёл за занавеской возле окна накрытую блюдечком глубокую миску с остатками сметанного торта. Его оказалось меньше, чем я рассчитывал, но мне всё равно стало тепло на душе — Дельфина, моя младшая сестра, тоже любила этот торт не меньше моего, и я готов был отдать ей хоть весь его без остатка, но всё же для меня всегда оставался кусочек, с красивой малиновой ягодой на верхушке. Меня всегда здесь ждали.

Я вытащил сонный сбор из маминого шкафчика над камином, набрал в кружку воды и поставил её в свой ботинок так, чтобы она не касалась звонких боков миски и бутылки, пока я поднимаюсь по ступеням. Уже в комнате я сел за стол напротив окна, включил лампу, накрыв её сверху платком, чтобы сделать свет мягче, разогрел на горелке воду и оставил настаиваться сбор, накрыв кружку сверху блюдечком. От столешницы всё ещё исходил запах горелого лака, хотя вчерашним вечером я не единожды целиком протёр мыльной водой и стол, и пол, и даже стены. Торт я ел руками прямо из миски и упивался минутами спокойного счастья. Мои сомнения, словно тени, отпрянули в страхе от этого крохотного проблеска света, но он вскоре угас, и тени вновь расползлись, а я вернулся к тому, о чём размышлял уже целый вечер. Отставив миску и облизнув пальцы, я смотрел в тёмный сине-лиловый омут, разверзшийся в кружке, будто в глубину собственного разума. Всё, что я видел там — это сплошной океан хаоса. Я приоткрыл окно в надежде, что прохладный ночной воздух прояснит мои мысли.

С одной стороны, я был бы рад, если бы кто-то из ребят поддержал меня в моём предприятии, но с другой — наличие компаньона прибавляло ответственности за чужую жизнь, нести которую я был не готов. Моя собственная смерть, в сущности — не самая большая потеря для мира, особенно сейчас. С таким же успехом мне на голову мог свалиться горшок с фиалками. Но смерти кого-либо из ребят я бы себе не простил. Да и что мне сказать семье? Вряд ли мне дадут уйти, если узнают, что на это меня подвигла обычная «детская сказка» — вероятнее всего, решат, что я повредился умом от стресса за время учёбы, и упекут, куда следует. И, возможно, будут правы. Может, и Тимиан тоже прав, и мне стоит бросить эту затею, пока не поздно? Но от одной этой мысли внутри всё сжималось и противилось. Мой выбор был уже давно сделан, а я всё боялся взглянуть себе самому в глаза и принять правду. Я должен идти.

С этой мыслью я встал и достал с пыльной верхней полки походный рюкзак, который приобрёл почти за бесценок на ярмарке прошлым летом, по возможности тихо встряхнул его, расправил и заглянул внутрь, прикидывая, какой объём вещей смогут одновременно выдержать и он, и мои плечи, на которых сейчас уже лежал весь груз ответственности, свалившийся на меня с моим решением. Окидывая взглядом комнату, дремавшую в полумраке, я цеплялся за всё, что могло оказаться полезным, и уже составил было в голове целый список, когда понял, что большая часть из того, что могло действительно пригодиться, находится за пределами моей комнатки с косым потолком. Да и вряд ли мне разрешат многое забрать с собой — снаряжение и форму я должен был получить на месте. Тогда я подошёл к книжной полке, достал с неё книгу чжулунских мифов и легенд со вложенными атласами, исписанными вдоль и поперёк заметками моим неразборчивым вихляющим почерком, и раскрыл её на том месте, где началась Сказка. Я знал это место наизусть — сколько страниц от форзаца нужно взять пальцами, чтобы открыть её точно в том самом месте, где печатный текст сменялся рукописным. Как ручного зверька погладив ладонью рыхлую бумагу, явно вклеенную внутрь после печати, я

с уверенностью бросил книгу в рюкзак. Затем подошёл к столу, залпом допил почти остывший настой, вырвал кусочек листа из блокнота и на этом клочке записал: «*Сонный сбор. Валериана, пустырник, ш.хмеля, лаванда, клитория тр., Melissa, гибискус*», — после чего бросил его в мешочек со сбором и отправил следом за книгой.

Травы действовали быстро. После непродолжительных сборов меня наконец сморило, и, бросив в угол полупустой рюкзак, я кое-как скинул с себя одежду, комом свалив её на стул, погасил лампу и рухнул в постель. За окном на вересковом поле шелестел свежий ветер. Тёплый запах родного дома заботливо окутал меня и беззвучной колыбельной плёл для меня счастливые сны. В голове помутилось, но какое-то время я всё же смотрел за окно на ночное небо, размышляя о том, как буду скучать по таким мирным ночам и какие звёзды будут сиять над моей головой, когда я покину дом и окажусь у подножия Вороных гор.

– III –

Проснувшись после полудня, я ещё долго бесцельно сидел на кровати и подбирал слова, которые мне предстояло произнести, глядя в глаза родителям, но особого успеха в этом не возымел. Настенные часы неумолимо отсчитывали каждую секунду моего промедления. Я поработал, мне кажется, сотню вариантов развития этого разговора, но так и не нашёл тот единственно правильный, идеальный вариант. В конце концов мне надоело оттягивать неизбежное — спустившись в кухню, я поставил вариться кофе, мельком наблюдая, как Дельфина рисует натюрморт из букета собранных утром цветов и нескольких яблок. Лёгкий ветер играл с ажурными занавесками, и колышущаяся тень от них, словно кружевная шаль, укрывала её плечи и широкую золотистую косу.

— Доброе утро! — крикнул я ей.

— Доброе, — коротко кивнула она, не отрываясь от пастельного наброска.

Талант Фины передавать настроение всего лишь парой штрихов поражал меня до глубины души, и я не переставал любоваться тем, как быстро она ухватывала самую суть вещей даже в простых набросках. Закончив штриховку одного из маков, Дельфина добавила:

— Правда, не совсем уже и утро.

— Когда встал — тогда и утро, — заметил я, доставая с верхней полки банку с печеньем, но Фина больше ничего не отвечала, сосредоточившись на прорисовке яблочной кожуры.

Когда кухня наполнилась пряными ароматами гвоздики, аниса и корицы, я снял кофейник с огня. Сидя за столом, я крутил в руках печенье, как будто откусить кусочек — дело, по сложности сравнимое с обезвреживанием мины. В доме было непривычно тихо для светличного¹⁰ утра, и я, несколько секунд глядя в упор на Дельфину в надежде, что она почувствует это и заговорит сама, всё же спросил:

— А где родители?

— Пошли на рынок, должны скоро вернуться, — небрежно бросила она, одной интонацией отмахнувшись от меня, как от назойливой мошки, но всё же, мимолётом повернув голову, встретила со мной взглядом. — С тобой всё в порядке? Молчишь всё утро и выглядишь так, будто сел на ежа.

— Так заметно? — смутился я, и мы оба едва слышно усмехнулись. Тишину нарушал только шорох постели по холсту, которой Дельфина штрих за штрихом создавала свой маленький мир.

— Я хочу уйти, — наконец выдавил я из себя, надломив печенье и положив одну половинку в блюдо. — Позавчера к нам эвернийский офицер приходил, они объявляют призыв. Пока он добровольный, но я уже всё решил — завтра утром моё имя будет внесено в списки, а сегодня останется только вещи собрать, сообщить в пару мест о моём отбытии и поговорить с матерью и отцом, но я не знаю, как сказать им об этом. Кажется, стоит мне заикнуться о войне, и у тебя не будет больше брата.

Шорох прекратился. Дельфина встала из-за этюдника, взяв с табурета свою кружку с потрескавшейся лазурной эмалью, вылила в неё из кофейника остатки кофе и села напротив меня. Она вытерла руки об юбку, но её пальцы всё равно остались разноцветными от мелков — она взяла вторую половинку печенья из блюда и пристально посмотрела на меня впервые за это утро.

— Ты уходишь на войну? Тео, но это же безумие. За новые земли даже без Йонсана все передерутся, это ясно как день, но ещё есть шанс, что обойдётся, зачем же самому...

¹⁰ Светёлье или светличный день — седьмой день недели, выходной, буквально «день солнца».

— Только ты не начинай, ради всего святого! — взмолился я сокрушённо. — Мне сегодня ещё не единожды предстоит услышать эти слова. Безумие, самоубийство — знаю! И я чувствую себя круглым идиотом, когда пытаюсь объяснить даже себе самому, почему я хочу поступить на службу как можно скорее. Но я уже всё обдумал и решил. Я ухожу.

Глубокое синее море в глазах Дельфины пришло в волнение. Она обмакнула печенье в кофе.

— Папа будет в ужасе.

— Знаю.

— И мама — я даже боюсь представить... Ох, Тео, что же ты делаешь? А ещё старший брат, пример для подражания!..

Её поникший вид и смятение во взгляде были первым, что заставило меня почувствовать вину за своё решение. Если всё так отзывалось на слова сестры, то какие чувства захлестнут меня, когда я буду так же сидеть за этим столом и смотреть на ошеломлённых отца и мать? Я отвёл глаза, крепче сжав кружку в ладонях.

— Я боялась, что ты скажешь это, с того самого дня, как прочла в газете сообщение о Вороних горах, но надеялась, что этот момент никогда не наступит.

Фина была единственной из всей семьи, кто знал о моей увлечённости йонсанцами, Хрустальными горами и всем, что с ними связано. Она много помогала мне в моих поисках и размышлениях и знала практически все мои теории относительно Сказки.

— Ты говоришь, что всё решено, но я прошу — хорошенько подумай ещё раз. Не надо сгоряча принимать такие решения. Лучше останься — там нет ничего, что стоило бы твоей жизни. Мне твоё решение кажется сущей глупостью, даже если я знаю, почему именно ты его принял, но я прошу тебя от него отказаться, и если ты не согласишься на мои уговоры, то я надеюсь, что родители смогут тебя убедить. Мы все будем рады, если ты оставишь эту затею, — она сделала короткий глоток. — А как считают твои шалопаи?

— Рано или поздно меня всё равно призовут, так зачем откладывать? А парни... Большинством голосов за, даже хотят составить мне компанию, — уклончиво пробормотал я.

— То есть кто-то всё-таки против?

«Дельфина, морн тебя раздери. Ты не сестра, а сущее наказание», — подумал я и нехотя выдал:

— Ну... да, Тим. Он говорит, что мы спятили, и, если нам не хватает проблем на задницу, надо просто пойти поработать в порту, а не страдать ерундой.

— Хоть один здравомыслящий человек в вашей компании, — облегчённо выдохнула она. — Может, стоит прислушаться к его мнению?

Мы ещё долго говорили и горячо спорили о моём решении, и в конце концов Фина сдавалась. Когда мы закончили для кого завтрак, для кого полдник, она помогла мне разыскать в доме все вещи, которые я планировал взять в дорогу, несколько раз, правда, обречённо обозвав меня в процессе упёртым бараном. Рюкзак приобрёл более округлую форму и сразу как-то похорошел. Из тайника за потолочными досками над моей кроватью я достал всё, что откладывал за время, пока трудился лаборантом у профессора Генриха Вертера О'Мелли, которого давно привык звать просто Генри. Большую часть своих сбережений я отдал протестующей Дельфине.

— Ты с ума сошёл, я не возьму это!

— Отдашь родителям, если самой не понадобится, — отрезал я и заставил её взять шкатулку с деньгами. — Я оставил себе немного, да и на службе у меня будет небольшое жалование. Вряд ли мне придётся много тратить в пути, а тебе здесь нужно на что-то жить.

— Ты говоришь так, будто уже умирать собрался, — помрачнела она, сжимая в руках шкатулку, но затем добавила: — Ладно. Так и быть. Но учти, я сберегу их до твоего возвра-

щения и буду добавлять по ницилю¹¹ за каждый день, который ты проведёшь вне дома. Чтобы ты обязательно вернулся. Ясно тебе?

Дельфина, едва ей стукнуло шестнадцать, пошла работать в контору при машиностроительном заводе и уже полтора года трудилась в ней не покладая рук. Хотя по настоянию отца она кое-как прошла годичные курсы медицинской сестры, лишь бы отделаться от давления семьи насчёт врачебного образования, к этому делу у неё душа никогда не лежала — как, впрочем, и у меня. Ей всегда хотелось иллюстрировать книги, но на должность в столичное издательство несовершеннолетнюю девушку без образования не брали, а обучение в Академии искусств стоило немалых денег, и Фина старалась накопить на него самостоятельно, чтобы, как она утверждала, не обременять семью лишними тратами — наши родители были против творческих профессий. С годами, правда, Дельфина и сама всё больше относилась к этой мечте как к несбыточной, утверждая, что уже привыкла к рутинной работе счетовода и не видит смысла сворачивать с выбранного пути. Якобы тот небольшой, но не худший для её возраста заработок лучше сберечь на «что-то более осмысленное», хотя лично я считал иначе и не хотел, чтобы талант Фины пропал даром. Тем не менее, зная это отношение Дельфины и к деньгам, и к разного рода поверьям, я даже не сомневался, что она сдержит обещание — ни криша¹² не потратит на себя из той суммы, что я ей отдал, и будет суеверно откладывать все средства до моего возвращения, скрупулёзно внося записи в конторскую книгу. Так что мне пришлось настоять.

— Нет, не ясно. Я, скорее всего, не успею вернуться до твоего дня рождения, так что пусть эти деньги будут моим тебе подарком на учёбу. Чтобы, когда я приеду домой, книги с твоими рисунками были уже нарасхват.

Я уже давно планировал помочь Фине оплатить обучение, но сейчас просто не мог упустить такой замечательный предлог, чтобы сообщить об этом и получить от неё честное слово, что она использует переданные мной деньги. Но дала она мне его так же нехотя и после даже расплакалась. Пока я пытался её успокоить, она крепко обнимала меня, обзывала дураком и снова просила не идти в добровольцы — с такой мольбой в глазах, что, когда она затихла, я вновь заразился гнетущей растерянностью и едва нашёл в себе силы, чтобы просто выйти за порог и спуститься с крыльца.

Через час я уже передал Генри своё прошение об увольнении и ещё долго стоял с ним в дверях его дома за разговорами о работе, о стране, о йонсанцах и эвернийцах, да и о многом ещё. Он выразил своё сожаление, что надолго останется без такого перспективного лаборанта, но с наставлениями лезть не стал и только пожелал мне спокойных дней, за что я был ему крайне признателен. Генри был моложе всех профессоров нашего университета, ему было немногим больше тридцати, и он с большим интересом расспрашивал о кампании в Вороних горах. Он даже приободрил меня.

— Надеюсь, ты вернёшься невредимым, Тео. Я помогу тебе найти место, когда всё закончится. Твоё решение тяжёлое, но оно достойно уважения. Я бы принял то же, если бы не моя морнова хромота. Береги себя, — пожелал он мне, и мы, пожав друг другу руки, расстались.

На обратном пути я встретил Ридли — он был мрачнее тучи и заглушал своё уныние бесцельным блужданием по городу с початой бутылкой тыквенной медовухи. Его родные тяжело восприняли новость об его уходе, и он подумывал не возвращаться сегодня домой, а переночевать где придётся и утром, когда отец и мать уйдут открывать лавку, собрать вещи, оставить записку и уйти. Красочный рассказ о том, как он в пух и прах разругался с семьёй, ужаснул меня. Не просто потому, что я испытывал те же чувства, что раздирали Ридли, и не потому, что непроизвольно встал и на место погруженной в отчаяние четы Мох, но потому, что был

¹¹ Нициль — никелевая монета, в четверть стоимости от самой дорогой монеты в Альянсе, фларинта.

¹² Криш — монетка из стали, самая мелкая по стоимости в Альянсе.

напуган мыслью, что львиной доле этого горя способствовал я сам со своими сумасбродными идеями. Я редко называл его полным именем, но сейчас был особый случай.

— Морн меня раздери, Риорделл, я же не думал, что ты говорил всерьёз. Если бы знал, подумал, что ты спятил. Дружба дружбой, но тебе-то эта война на кой сдалась? Пока среди нас призыв добровольный, не ломай себе хребет. Я тебя от этого другом считать не перестану, если ты не пойдёшь со мной. Живи спокойно, как жил, и не забивай себе голову, это уже я тебя прошу, как верный друг.

— Я принял решение, Тис, — едко отозвался Ридли, ущемлённый таким обращением. Его небесно-голубые, как у ребёнка, глаза горели от негодования. — И всё равно уйду, с тобой или без тебя, верный ты мой друг. Мой дед был героем, он сражался с йонсанцами, а был даже моложе меня, и я горжусь им. Но я, видимо, по-твоему, должен трусливо поджать хвост и забиться под кровать, — с раздражением Ридли пнул валявшийся на дороге камешек. — Нет уж, братец, это не про меня. Я, думаешь, шутил вчера, что ли? Я всё решил ещё до нашего разговора — уже тогда, когда тот вояка впервые открыл рот и я взял в руки свою повестку. Пусть Тим кипятится, сколько его душе угодно, но фельдшер — не худшая профессия для меня. Ну останусь я, и что изменится? Да ничего! Буду так же пахать, как проклятый, в каком-нибудь захудалом госпитале. Весь Альраун стоит на пути к границам Эвернии, мы — их живой щит, и, если мы забьёмся по углам от страха, нас неизбежно сметут. Так не очевидно ли, что есть ещё смысл побороться? Мои считают, что Малахит разнесут в щепки, если Йонсан решит всерьёз сцепиться с Альянсом, а потому не собираются оставаться здесь — хотят уехать на острова, где поспокойнее, пока ещё есть возможность. И в чём-то они правы, конечно, но, если мы дадим отпор, до Малахита йонсанцы не дойдут. Разве я не прав? А когда я сказал им, что не хочу бежать или сидеть сложа руки и собираюсь на войну, на меня снова ушат громких оскорблений вылили про то, что моё мнение из себя представляет и куда я его должен засунуть, и опять заявили, что я, видите ли, «совсем от рук отбился, неблагодарный мальчишка», — он так точно изобразил миль Мох, что я непроизвольно засмеялся, хотя напряжённое выражение лица Ридли быстро вернуло мне самообладание. — И так тошно, а тут ты ещё на мозги капаешь. Твои-то что сказали?

За несколько часов можно было пройти весь Малахит от одного конца до другого, и мы достаточно скоро вышли на старое заброшенное поле. Пробираясь по заросшим тропам, мы искали тот островок, где обычно росла дикая земляника. Я сорвал колосок и зажал его между зубами. Дикая молодая колосья с пустополя всегда бывали слаще остальных.

— Я ещё не говорил им, только Дельфине. Их не было, когда я проснулся, и я услышу, думаю, слова похлеще, чем ты. Отец точно этого так не оставит. И Фина ужасно расстроилась — видел бы ты эти глаза, всё сердце разрывалось. А ещё я отнёс Генри заявление об уходе и вещи собрал, так что я тоже отступать не собираюсь. Останется отнести документы в университет, сдать книги и поставить подпись под бумагами, которые даст нам Сидмон.

— Если только тебя не привяжут к кровати, — Ридли протянул мне бутылку. — Но уж тут-то можешь на меня положиться, я тебя вызволю. В благодарность за то, что говоришь всё же «нам», а не «мне».

Мы ещё час или два слонялись по полю, так и не найдя земляники, которой, говоря начистоту, было ещё рано появляться, и много говорили о планах, о войне, о жизни, и просто шутили. Я уговорил Ридли вернуться сегодня домой, и на душе от этого у меня заметно полегчало. Риорделл навёл меня на мысль, что было бы и впрямь неплохо увезти семью на острова или отправить их в другую часть континента, чтобы они были в безопасности. Но это совсем недёшево, и тех денег, что я отдал Фине, едва хватило бы на то, чтобы снять на несколько месяцев пару тесных комнаток в самом захудалом городишке самого маленького острова, Эйри, а нашу часть дома так быстро никто не купит, особенно в преддверии войны. Обдумывая, как лучше поступить с родными, сам я вернулся домой только к позднему вечеру.

Когда я вошёл, в столовой стояла мёртвая тишина, и только часы, звук которых я привык не замечать, надрывно тикали на стене. Бледная мать сидела за столом, сцепив руки так, чтобы они не выдавали её беспокойства, но плечи её всё равно коротко вздрагивали. Закатное солнце освещало её со спины и погружало всю её фигуру в тень. Отец, сидевший рядом с ней, молча поднял на меня хмурый взгляд, как только я переступил порог. Дельфина вскочила с кресла и, подбежав ко мне, сжала мои руки, виновато уставившись в пол. Напряжённо сжатые губы отца разомкнулись.

— Дельфина, выйди ненадолго, пожалуйста. Нам с твоим братом нужно серьёзно поговорить.

Пристыженно подняв на меня глаза, Фина одними губами прошептала «Прости, Тео», но всё же подчинилась отцу и спешно покинула комнату. Стоило двери на втором этаже захлопнуться, как отец заговорил снова, чётким отточенным движением показывая, какое именно место за столом мне следовало занять.

— Итак, сын, я вижу, ты стал взрослым мужчиной и принимаешь решения, как взрослый мужчина.

Его спокойный железный голос с самого детства пугал меня, пробирая до дрожи. Он почти никогда не повышал на меня тон, но этот металлический холод в его ровном голосе выворачивал меня наизнанку, стоило мне только слышать его. Стараясь держать лицо и поглубже запрятать того напуганного маленького мальчика, который просыпался во мне всякий раз, когда я слышал этот «врачебный тон» отца, я послушно сел напротив родителей. Передо мной на столе лежали моя повестка и помятая призывная листовка, которую я, по всей видимости, забыл убрать в рюкзак и так опрометчиво оставил на кухне, пока мы с Финой укладывали вещи. Должно быть, она извинялась, потому что мать с отцом устроили ей допрос, и, хотя Дельфина меня, очевидно, выдала, я не винил её — в любом другом случае она скорее проглотила бы язык и стояла за меня горой, как и я за неё. Но сейчас она не стала противиться давлению родителей и поступила так, как считала правильным, и желание уберечь меня от угрозы жизни нельзя было назвать предательством. От этих мыслей и нахлынувшей тревоги с ответом я нашёлся не сразу, и отец продолжил:

— Это достойно уважения. Однако взрослые люди, Теоган, за свои решения несут ответственность.

— И я готов к этому, — выпалил я. — Я готов нести ответственность за то, что хочу защитить вас, и за этим ухожу. Ухожу на войну.

Вздвогнув от этих слов, как от внезапного грохота, мама прикрыла глаза рукой.

— Ты совсем как папа, — выдавила она с тихим всхлипом, имея в виду не моего отца, но своего, который, несмотря на уговоры, ушёл на фронт, когда йонсанские войска ступили на территорию Альянса и захватили часть Калахánской равнины. Из всей своей роты дед единственный вернулся живым, но искалеченным не только и не столько телом, сколько душой — он никогда не говорил о войне и только выпивал в одиночестве в день, когда появилась Ордосская завеса и нападения йонсанцев прекратились. Это назвали победой, но любой здравомыслящий человек понимал, что дать этому событию такое название мог только сущий дурак. — Он бы не хотел, чтобы ты прошёл через это. Не пустил бы.

— Наши семьи достаточно пострадали от этого конфликта, восьмерых эта война уже забрала у нас, сын, твоего прадеда и его двух братьев, сестру твоей бабушки, — начал отец, но я прервал его.

— Будет хуже, если она заберёт ещё четверых вместо меня одного, и я так просто не сдамся, пап. Вы можете уехать на Эйри, или добраться до Бельмора, укрыться у кого-нибудь из давних знакомых — они помогут, я уверен. Спросите Мохов, они хотят поступить именно так, — я сделал короткий вдох и вспомнил то, о чём говорил несколько часов назад с Ридли. — Альраун превратится в руины, если Йонсан снова перейдёт в наступление, но мы ещё можем

этого не допустить. Да и где гарантия, что Цертония и Морская Коалиция выступят с Альянсом против йонсанцев, а не поддержат их в обмен на, не знаю, кусок нашей земли? Тогда мы точно не сможем защититься, но сейчас...

Родители переглянулись, и мама осторожно прервала меня на полуслове.

— Тео, послушай. Ты строишь предположения, и они могут оказаться верными, но разве не правильнее при этом было бы уехать с нами? Мы уже думали о переезде, не на Эйри, а много дальше, к северянам, в окрестности Ярнового, но не успели сказать вам с Финой. И тут ты... на войну...

Я запнулся, но тут же продолжил.

— Вы уверены, что нас и там не достанут, если каждый решит сбежать? Что нам дадут жить спокойно? Если все убегут, у нас даже шанса против Йонсана и остальных не останется. А сбежать сейчас наверняка мечтаем не мы одни.

— Нет, я не уверен, Теоган. Но я боюсь потерять тебя, — сказал отец так же спокойно, как прежде. Любому, кто не знал отца близко, могло показаться, что богатый стаж хирурга выжег из него почти все чувства, превратив в бездушный камень его большое сердце, но оно билось с прежними теплом и силой, скрытое за толстой коростой, без которой он давно бы сошёл на работе с ума. За всю свою жизнь я так привык продираться через его слова и действия до его настоящих чувств, искать заботу там, где другой бы нашёл одно безразличие, что теперь сказанное им так прямо и искренне ударило по мне словно обухом. Какая же буря скрывалась под маской внешней непоколебимости, если теперь он решился говорить со мной так? Но то, что выбило меня из колеи и должно было отвратить от моей идеи, только укрепило мою уверенность в правильности выбранного решения.

— Папа, мама. Если я убегу с вами и нас найдут, за укрывательство вас отправят на шахтёрские работы вместе со мной, пожизненно. Если не что похуже. Стоит ли оно того? Сейчас у вас есть возможность уберечь себя и Фину. Вы долго заботились обо мне, но теперь пришла моя очередь позаботиться о вас. Завтра или через месяц — меня всё равно призовут. И сейчас у меня меньше шансов попасть в плохие условия. Я могу вернуться ещё раньше, чем всё начнётся, — попытался успокоить их я, сам не зная, ложь это или правда. Отец колебался, мама закрыла лицо руками и тихо заплакала.

— Не пуцу, не пуцу, не пуцу! Никуда не пуцу, не пойдёшь ты туда...

Моя мать — сильная женщина, которая воспринимала какое угодное происшествие как решаемое и преодолимое. «Все живы и здоровы, остальное — не важно», — часто говорила она. И сейчас я едва ли не впервые с ужасом наблюдал, как отчаяние, настоящее отчаяние, с пугающей скоростью захватывает её целиком, не оставляя места ни здравомыслию, ни прежнему оптимизму, с которым она обычно встречала любые невзгоды. Немного помедлив, явно нехотя, но отец заговорил, обняв маму за плечи.

— В твоих словах есть правда, но мы с матерью не простим себя, если с тобой что-то случится. Ты и твоя сестра — самое важное, что у нас есть.

— То же самое могу сказать и я, — кивнул я. — И потому прошу поддержать меня сейчас. Мне тоже очень нелегко, но я много думал об этом прежде, чем решиться, и не вижу никакого другого выхода. Или я один, или мы все. Я готов.

Моё сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, так сильно оно билось от волнения и так страшно мне было от мысли, что это последний раз, когда я вот так сижу с матерью и отцом за этим самым столом. Мама, потеряв последние проблески самообладания, бормотала навзрыд всё то же «не пуцу», вжимаясь в папу, как маленькая девочка, которая пыталась спрятаться от обуявшего её ужаса. Отец же держался стоически — не представляю, чего ему это стоило. Я видел его разным — и грозным, и суровым, и ждал от него даже гневной отповеди, которую в этот раз заслужил сполна, но вместо этого я увидел то, чего не видел, пожалуй, ещё никогда. Всё внутри сжалось от того, как вмиг отец постарел — груз ответственности, который

он нёс как глава семьи, будто стал во сто крат тяжелее. Взъерошенные золотые волосы потускнели, морщины на его лице стали глубже и жёстче, отчётливее проявились тёмные круги под глазами от долгих тяжёлых смен в госпитале. Отец, крепче прижав маму к себе, в конце концов только коротко кивнул, глядя своими спокойными синими глазами куда-то вглубь кухни. Где-то в глубине этих глаз бушевал ужасающий шторм и только что затонул последний корабль надежды.

— С этим невозможно смириться и согласиться, Тео, но мы попытаемся. Дай нам время.

На следующее утро я вышел из дома рано, чтобы успеть вернуться к моменту, когда все проснутся. Закончив с родителями, я какое-то время провёл с Финой, пока она не заснула — мы иногда говорили по душам, а вчера нам обоим это было как никогда необходимо. Но сам я за всю ночь только единожды некрепко задремал, так что решение выйти на свежий воздух показалось мне разумным. Мне хотелось ещё раз обойти Малахит прежде, чем всё должно было случиться. Снова посидеть у реки, покормить уток, встретить рассвет и услышать тихое пение первых птиц. Полной грудью дышать свободой. Увидеть город, каким он всегда был, когда на его улицах не было людей — тихим и уютным, тёплым и ещё не проснувшимся, почти сказочным. Мне нужно было попрощаться, ведь я не могу знать, вернусь ли я сюда когда-либо ещё и останется ли он, город, после всего прежним. Особенно для меня самого.

В холле главного корпуса университета я встретил Бранда и испытал то же потрясение, что и вчера днём при встрече с Ридли, когда понял, что мы пришли сюда с одной целью. Брандан дождался, пока я закончу всю бумажную волокиту, и мы вместе направились к выходу. Не успели мы оказаться за стенами университета, как нас окружили все его братья и сёстры, и даже миль Майоран была с ними. Эта тонкая и бледная, как призрак, болезненная женщина, год за годом гаснущая от опухоли в лёгких и убивающая себя в прачечной днями и ночами после потери мужа, женщина такая сильная и такая хрупкая, которая, казалось, могла раствориться в воздухе, стоит только раз моргнуть, отбросив все свои ежедневные заботы и хлопоты вышла проводить своего старшего сына, и, хотя в глубине её глаз читалась непередаваемая материнская боль, она твёрдо шла с Бранданом под руку, с гордостью, как со своим защитником и уже состоявшимся героем. Не знаю, какие слова Бранд сказал ей, чтобы она с такой готовностью приняла его уход на войну — единственного человека в их семье, сумевшего получить высшее образование и способного избавить их от нищеты, и к тому же единственного совершеннолетнего мужчину, который мог позаботиться о своих братьях и сёстрах после смерти их матери. Может, Бранд даже соврал ей, чтобы она отпустила его — этого я не знал. Но я шёл за ними поодаль и не мог, не смел сказать ни слова против, глядя, как самые младшие Майораны в шутку дерутся и подстрекают Бранда всех победить, с каким пониманием смотрят на него близнецы Айдан и Тиша, которым предстояло сменить старшего брата на его негласном посту главы семьи, как все они в это тяжёлое время не дают ни на секунду угаснуть его вере в то, что он принимает правильное решение. И я молчал.

Моя семья ждала меня у главного здания управления, так как помещение внутри было небольшим и в него пускали только тех, кто собирался пойти добровольцем. Я рассказал им о завершении всех дел и сообщил, что, как выяснилось, ухажу не один. Мои родители и миль Майоран как будто слились в разговоре в единую гладь понимания и поддержки, так легко и естественно, словно они не впервые провожали своих сыновей на войну. Мы с Брандом оставили их в надёжных руках друг друга и направились внутрь с обоюдным желанием поскорее занять очередь, чтобы без сомнения попасть в одну роту. Внутри было немного душно и толпилось много молодых парней, кто с отказом от повестки, кто для записи, как и мы. Пока мы искали конец нужной нам очереди, внимание моё привлекла фигура, сиротливо вжавшаяся в стену вдалеке от основной суеты, и когда я с трудом разглядел знакомое лицо, то схватил Бранда за рукав и, не слушая его протестов, стал протискиваться в другой конец коридора.

Риорделл сидел на лавочке у окна и непроницаемым взглядом смотрел на трещины между половицами. В форме и нахлобученной до самых бровей фуражке он стал похож на ночного мотылька, замершего при свете дня. Рядом с его ногами небрежно валялся полупустой армейский мешок, в котором вряд ли было хоть что-то, принадлежавшее ему самому. Когда мы опустились возле него, он наконец вышел из сомнамбулического оцепенения, посмотрев на нас как на далёкие миражи прежней жизни, и медленно стащил с себя фуражку. Мы часто в шутку звали Ридли «кудряшкой» за его мелкие непослушные каштановые кудри и мягкие, как будто всё ещё детские, черты лица, но теперь этому прозвищу больше не было места в его жизни. Его последней путеводной ниточкой к прошлому себе была его старая одежда, которую он крепко сжимал в своих руках.

— Отец пожелал мне одуматься и повзрослеть, и больше — ничего, — выдавил Ридли наконец. — А мать совсем ничего не сказала. Она даже не вышла из комнаты, когда я пришёл попроситься. Кажется, у меня нет больше дома. Морн, неужели они так ничего и не поняли?

— Думаю, всё они поняли, братец, — вздохнув, Бранд сочувственно похлопал Ридли по плечу. — Им просто не хватает смелости признать, что ты уже мужчина. И что им страшно за тебя.

Риорделл неуверенно кивнул, но не проронил ни единого слова в ответ. Мы с минуту молчали, думая каждый о своём.

— В чём-то все, кто отговаривают нас, по-своему правы. Немного мужества в том, чтобы идти убивать и самим умирать ни за что, — сорвалось с моих губ с горькой усмешкой.

— Ну, здравствуйте! Нашёл время включать моралиста, — всплеснул руками Брандан. — Поздно строить дамбу, когда берег затопило. О том, как не допустить войны, надо было заботиться до того, как она началась, если ты об этом думаешь. Тут каждый сам за себя. Йонсанцы тебя жалеть не будут, как не пожалели тех, кто попал под раздачу из-за испытания их нового оружия, или что у них там жажнуло. Мы здесь, чтобы не дать им сделать то же самое с нами. Или мы, или они.

Бранд встал и посмотрел на себя в пыльное зеркальце, висевшее возле окна. Кое-как пригладив взъерошенные тёмные волосы, он небрежно поправил воротник рубашки и улыбнулся. Его глаза от азарта будто заглялись изнутри.

— Так, хватит жевать с вами раскисшие сопли, лично я пошёл. Запомните меня красивым.

— Красивый ты, как же, цапля длинноклювая, — подколот его Ридли, пытаясь подавить в себе смешок.

— Я хотя бы цапля, птица гордая, а ты теперь вообще на яйцо похож, — рассмеялся Бранд и уверенным шагом направился прямо к комнате, где Сидмон и несколько его помощников, которых я видел впервые, распределяли новобранцев.

Когда моё имя тоже оказалось внесено в списки добровольцев, и я проставил под ним подпись, убедившись, что меня распределили в Вороньи горы с Ридли и Брандом, Сидмон пожал мне руку и отправил дальше для прохождения всех подготовительных мероприятий: для осмотра, светоснимка¹³, заполнения досье, стрижки, обмеров и получения формы. Как оказалось, процесс это был весьма небыстрый, и прошло несколько часов, пока я закончил все приготовления. Меня предупредили, что свой рюкзак брать с собой запрещается, но все необходимые с моей точки зрения вещи до прибытия в часть я могу переложить в такой же заплечный вещмешок, который выдавали всем новобранцам, и я послушно упаковал в него все свои скромные пожитки.

¹³ Светоснимок, светокарточка — фотокарточка. Светопись — фотография в целом, как жанр искусства, или изображение в качестве фотоиллюстрации в печатном издании.

Наконец мы были готовы. Чтобы скоротать время в ожидании команды к отбытию, мы снова вышли во двор главного здания, где нас с нетерпением ждали наши родные.

— Выглядите... сурово, — отметила Дельфина, критически осмотрев нашу троицу с ног до головы.

— Только не для Вас, несравненная! — заулыбался Бранд и принялся красоваться перед Финой так, что та заливисто рассмеялась и закрыла лицо руками, не зная, куда себя спрятать от этого павлиньего танца.

— Нашёл к кому клеиться, идиот, пошли давай, — крепко взяв Бранда за плечи, Ридли пытался увести его в сторону. — Или хочешь, чтобы Тео прихлопнул тебя раньше йонсанцев?

Я в шутку погрозил Бранду кулаком и, взяв Дельфину под руку, направился с ней к матери и отцу.

— Совсем на себя не похож, — сказала мама, нежно погладив меня по практически лысой теперь голове, и в отчаянном порыве материнской заботы стала оправлять на мне рубаху. — Дай-ка я на тебя посмотрю...

— И когда ты только успел так повзрослеть, — задумчиво произнёс отец, положив мне руку на плечо и незаметно от матери сунув мне в карман брюк какой-то свёрток.

Майораны скопом окружили Бранда и Ридли, упрашивая показать, какое снаряжение им выдали в дорогу, и наперебой задавая один за другим вопросы, лившиеся из них как из бездонных бочек. Оказавшись в их кругу, Риорделл немного расслабился, отвлекшись от своих тяжёлых мыслей, и даже начал о чём-то оживлённо рассказывать детям, бурно жестикулируя — хотя он был единственным ребёнком в семье, ему на удивление легко удавалось ладить с младшими. Пока Ридли был занят с ними, Бранд незаметно растворился в толпе, и я успел только мельком увидеть, как он тепло обнял и после увёл за руку какую-то девушку. Вдруг спиной я почувствовал такой жгучий взгляд, что невольно обернулся и недоумённо озирался, пока не встретился глазами с Тимианом. Он как каменное изваяние сидел вдалеке от толпы у здания на другой стороне улицы и смотрел на нас не мигая. Я не мог прочесть на его лице ни одной эмоции, потому что выделить что-то одно из этого смещения чувств было невозможно.

— Я сейчас, — сказал я родителям и быстрым шагом направился к Тиму. Он не сдвинулся с места и даже не посмотрел в мою сторону, когда я подошёл к крыльцу, на котором он сидел.

— Ужасное зрелище. Веселитесь, будто праздник какой, — тихо выдавил он, как будто каждое слово давалось ему с трудом.

— А ты нас уже похоронил, стало быть? — так же тихо спросил я, присаживаясь рядом с ним.

Тимиан наконец перевёл взгляд на меня, и я ясно прочёл в его серых глазах, как будто совсем теперь поблёкших, ответ на свой вопрос и ещё множество мыслей, которые он так боялся выразить вслух.

— Я желаю тебе вернуться живым и невредимым, и того же желаю Бранду и Ридли. Это всё, что я могу сказать вам сейчас.

И хотя я знал, что он мог сказать много больше, я понимающе кивнул, не принуждая его показывать, как больно ему видеть то, что мы трое делаем. Он молча встал, и я поднялся за ним. Тим крепко пожал мою руку и похлопал меня по спине. Его ладонь была непривычно холодной и безжизненной.

— Береги себя, Тео.

— И ты будь здоров, друг. Я рад, что ты всё же пришёл проститься.

Перед тем, как зайти в поезд, я ещё раз крепко обнял Дельфину и маму. Отец протянул мне руку, но вместо этого я обнял и его. На секунду он замер, а затем крепко прижал меня к себе и едва слышно произнёс: «Я горжусь тобой, Тео». Брандан держал свою младшую сест-

рёнку на плечах и строго читал какие-то наставления остальным своим братьям и сёстрам, а Ридли растерянно стоял среди них и глазами искал в толпе тех, кого он так жадно хотел увидеть. Но вот прозвучал свисток, и нас один за одним стали запускать в поезд. Перед нашим окном столпились все наши близкие, и мы в последний раз касались их рук. Только Риорделл мрачнее тучи спрятался за штору и записывал что-то карандашом в маленькую походную книжицу. Всё происходило так стремительно, что мы не успели заметить, как засвистел паровозный гудок, поезд вздрогнул, один за другим приводя в действие, будто мускулы, свои механизмы, и через мгновение медленно тронулся.

По перрону, спотыкаясь, бежала крупная пухлая женщина и надрывно кричала что-то, что невозможно было разобрать за стуком колёс. Следом за ней через толпу продирались невысокий бледный мужчина. Не сразу, но я узнал в их фигурах мола и миль Мох и тут же хлопнул Ридли по плечу, выкрикнув на весь вагон:

— Смотри, там твои, они всё же пришли!

Весь подобрившись, Риорделл вскочил и высунул голову из окна, отчаянно махая рукой до тех пор, пока фигуры его родителей не превратились в две маленькие далёкие точки. Перед нами вместо города замелькала непрерывная стена однообразных деревьев.

Так я оставил дом.

– IV –

На следующий день мы прибыли в часть, где нам предстояло провести ещё полгода жёсткой интенсивной подготовки. Нас ещё раз проверили и распределили по казармам. Несмотря на то, что нас должны были затем бросить в одну точку, меня отправили к ремонтникам, а Ридли и Бранда — по специальности, к медикам. Тем не менее, общую подготовку мы проходили все вместе и с самого подъёма выполняли задания, испытывающие нас на прочность, а так как нас отсылали в Вороные горы — ещё и дополнительно готовили к самым неблагоприятным горным условиям. Нас заставляли преодолевать границы наших возможностей, в короткий срок превращая в готовые боевые единицы горных войск. Присутствие Ридли и Бранда придавало мне сил — мы даже возвели все наши каждодневные тренировки в соревнование и находили особую прелесть в этой дружеской борьбе за первенство. В конце концов, это давало нам повод превозмогать себя, давало особую цель, достижение которой не казалось непосильной задачей. Быть готовым сломить врага — цель глобальная и сейчас кажущаяся труднодостижимой, но быть готовым победить в дружеском споре — задача привычная и даже обыденная, которая незаметно готовила нас к большему. Преодоление препятствий, в том числе склонов и горных рек, правильное приземление с высоты, бег, ориентирование на местности, особые стрелковые приёмы и ещё много чего входило в нашу подготовку — всего не вспомнить. Здесь же я впервые узнал, что такое «светлячки» — сферы, наполненные неактивной химической смесью, которые горняки использовали вместо источника света в шахтах. Вещество в них вступает в реакцию при тряске и переходит в газообразную форму, начиная светиться, и сфера парит в воздухе рядом с источником тепла, а при попадании прямого солнечного света лопается как мыльный пузырь. Забавная штука, в университете нам такого не рассказывали.

Но не прошло и четырёх месяцев, как стали отзывать первые роты — даже до окончания подготовки, а на их место прибывали всё новые и новые рекруты. Обстановка накалялась и, как и предполагалось, наши соседи с юга и северо-востока не упустили шанса объявить Альянсу войну. Нас отослали через пять месяцев, завершив подготовку в ускоренном режиме — площадь Ордосской завесы со времени взрыва ещё сократилась и необходимо было срочное пополнение одного из батальонов горно-пехотного полка на восточном склоне Вороных гор. Нам выдали снаряжение, белую с редкими серо-коричневыми пятнами камуфляжную форму и рюкзаки, и без промедления выслали в горы.

С нами в поезде в различные пункты следовало ещё несколько рот, но к концу остались только мы — сорок шесть парней, которым предстояло покорять Вороные горы. Всё время пути капитан нашей роты наставлял нас, гоняя и в хвост, и в гриву на каждом остановочном пункте и готовя к предстоящему восхождению.

— Дальше поезд не идёт. Поднялись и на выход! — разбудил нас криком один из младших лейтенантов в половину шестого утра. За эту обязанность своими воплями будить нас ни свет, ни заря мы дружно прозвали его Петухом. Утренний влажный воздух обжигал глотку и бодрил получше горячего крепкого кофе. Я безумно скучал по домашнему кофе, который после отъезда стал для меня недостижимой, непозволительной роскошью. Когда вся наша рота, ворча и ругаясь спросонья, высыпала на перрон, капитан объявил, что дальше нам предстоит преодолеть часть пути на грузовике, а часть — своими ногами. Вопросов никто не задавал — через несколько десятков метров пути рельсы были выдраны с корнем. Ночевать нам предстояло в открытом поле, и в связи с изменившейся обстановкой капитан ввёл множество новых правил, от количества которых моя голова, ещё не до конца стряхнувшая с себя сон, набухла, как перезревший помидор, и я был уверен, что к полудню не вспомню и половину.

— За нарушение режима — вахта вне очереди, — предостерег капитан, закончив оглашать новый распорядок. — А сейчас закидывайте вещи в грузовик и себя не забудьте.

Калаханская равнина, огромная и простиравшаяся почти до самого подножья Вороных гор граница территорий Альянса сразу с несколькими странами, была словно разделена на до и после. Исчезли тёплые тона и разнообразие пейзажей, вместо которых в один миг возникли холодные безликие Пустоши. Воздух стал сухим и тяжёлым, а яркое осеннее разнотравье под ногами сменилось серой безжизненной землёй, покрытой трещинами и изредка — болезненно выцветшими жухлыми сорняками и травой, и только силуэты горных хребтов по-прежнему высились вдалеке как мрачные безмолвные стражи. Мелкие города и сёла, что встречались нам по пути, были давно заброшены — нам приходилось ненадолго останавливаться в нескольких из них, но крыше над головой мы отчего-то почти не радовались. От мёртвой тишины на улицах внутри нарастала тревога, и сон в итоге был хуже, чем даже под открытым небом — возможно, впрочем, ещё и потому, что всякий раз на ночь глядя кто-нибудь начинал травить страшные байки о Пустошах и таких покинутых местах. На мой взгляд, это был очень странный способ взбодриться, и уж лучше бы мои товарищи почаще пели под губную гармошку или затевали словесные игры, но нет — им подавай жуткие небылицы. Я сам знал их великое множество, и о Пустошах, и о йонсанцах, но Ридли и Бранд меня не выдавали — им, как и мне, было не по себе от рассказов, которые имели слишком разительное сходство с тем, с чем нам пришлось столкнуться в пути.

Когда же мы оказались на подступы к северным границам, окружающий мир изменился ещё более разительно. Земля была выжжена дотла, а последние поселения, что нам встретились, превратились в обугленные руины. Со временем пропали и они — последняя деревенька, если её вообще теперь можно было так назвать, осталась в шести днях пути от подножья, и занимали её теперь только такие же военные, как мы. Это был последний рубеж. Перед нами предстали Вороные горы. Суровые чёрные склоны, укрытые ослепительно белым снегом.

— Идём колонной по одному. Наша задача — без шума добраться до лагеря. Двое суток в пути. Правила восхождения повторять не буду. А, да, будете много пить, всё отечёт — поссать там так просто не выйдет. И будьте начеку. Всё ясно? — капитан выжидающе окинул нас взглядом и, услышав единогласное «так точно», отдал команду к началу движения.

Утром второго дня воздух рассёк оглушительный свист.

— Засада! — только и успел крикнуть кто-то прежде, чем замолк навсегда. С грохотом на землю напрямик в центр нашей колонны рухнула и разорвалась мина. Воздух заволокла серая непроглядная мгла. Снег заалел от пролитой крови — по земле, насколько хватало видимости, были раскиданы окровавленные части тел моих боевых товарищей. Руки, ноги, внутренности. Как бы я хотел ослепнуть и не видеть того, во что превратилась добрая половина нашей роты. Из этого мира в один миг словно исчезло всё живое. Красивые молодые парни лежали, искорёженные, разодранные, и оседавшая пыль укрывала их будто саваном. У них не было сил на крики и стоны — последние мгновения своей жизни они проводили в глубоком оцепенении, в страшной агонии судорожно пытаюсь удержать в сознании хаотичные воспоминания о доме, о детстве, о любимых, обо всём том, что сейчас навсегда ускользало из мира, как пар от дыхания зимой. В ужасе я отчаянно позвал Ридли и Бранда, но мне никто не ответил, и я не видел их за клубами дыма и поднявшейся пылью. Эти несколько секунд после разрыва мины тянулись целую вечность. Рядом со мной рухнул человек.

— Помоги... — прохрипел Петух, дрожащей рукой крепко ухватив меня за штанину. Ему оторвало ноги, и я нагнулся, чтобы покрепче взять его и оттащить, но не успел.

Не прошло и нескольких секунд, как на нас упала ещё одна мина и меня отбросило от Петуха — мы кубарем скатились вниз по склону в разные стороны. Все звуки для меня в одно мгновение растворились в тонком комарином писке. Я не слышал даже звука собственного сердца и толком не понял, как скоро врезался в какой-то камень и остановился. Как рыба на суше, я судорожно хватал ртом воздух, хотя делать этого было ни в коем случае нельзя. Широко распахнутые от шока глаза не хотели закрываться, но в плотном мутно-сером дыме я

не мог ничего разглядеть и не мог пошевелиться. Я просто не чувствовал своего тела и боялся, что его попросту нет, а через минуту моё пребывание в этом мире оборвётся. Но пока Тео Тис готовился к бесславной смерти, его тело в отчаянном порыве перевернулось на живот и поползло вперёд, не разбирая дороги. Вдруг в скале под камнем показалась едва заметная расщелина, до которой я из последних сил дополз и скатился внутрь пещеры прямо в грязную лужу, образовавшуюся под этой дырой. Я не понимал, что происходит вокруг, не понимал, что мне делать, но инстинктивно поднялся на едва держащие тело ноги и, пошатываясь, заковылял к самому сердцу горы.

Не помню, как потерял сознание, а когда очнулся — понял, что не знаю, где я.

Голова гудела и раскалывалась, меня трясло, и я всё ещё плохо слышал. Одно резкое движение — и меня согнуло пополам в приступе рвоты. Вся наша рота была уничтожена в считанные минуты. В этом подмирье никто не мог выжить. Мне повезло только потому, что из-за малого роста я был в числе открывавших колонну. А вот Брандан и Риорделл... когда я вспомнил о своих друзьях, меня прошиб холодный пот. Внутри меня всё оборвалось. Одним метким выстрелом из миномёта меня лишили обоих друзей. Я понятия не имею, куда унесли меня ноги, и не знаю, в какой стороне эвернийский лагерь, чтобы добраться туда и сообщить о случившемся. Отчаяние удушливыми тисками сжимало мне горло. Смотри, Теоган Тис — вот, чего стоили тебе твои сказки, вот они, твои Вороны горы! Ужасающие картины пережитого как кислота разъедали меня изнутри. Мои друзья мертвы. Все — мертвы. Да, мы сами избрали свою судьбу — не сейчас, так позже. Да, я должен был быть готов к этому. Но я не был. Перед моими глазами раз за разом вставали те сцены, и немалых усилий мне стоило успокоиться и привести себя в чувства. Если трезво смотреть на ситуацию, всё, что я мог сделать сейчас, это добраться до эвернийского лагеря и сражаться в память о Ридли и Бранде и всех, кто погиб, даже не успев вступить в бой.

Прошёл день. Я почти не спал, запасы воды подходили к концу. Я был настороже каждую секунду и вздрагивал при каждом шорохе. Мне не удавалось даже спокойно присесть — казалось, меня найдут и убьют, стоит хоть на секунду расслабиться. Я был уничтожен и собирал свою волю назад по кусочкам. Короткие разведывательные вылазки наружу я совершал постепенно, стараясь надолго не покидать подземных ходов — даже вещи свои на время разведки я прятал в расщелинах, чтобы при случае иметь возможность бежать налегке. Запутанная многоярусная система пещер не имела никакой логики, но была, по моему мнению, относительно безопасна по сравнению с открытой местностью, и я тщетно искал место, откуда, спасая свою жизнь, сбежал, но не находил. Зато обнаружил несколько других выходов и подземную реку, вода в которой была удивительно тёплой, а на её берегу и прилежащих стенахросло немало кристаллических пород. Я пытался использовать атласы и карты, которые забрал из дома вместе со Сказкой, чтобы определить своё местоположение и хотя бы предположительное расположение эвернийского лагеря, но реальный ландшафт совершенно не совпадал с ними. Горы словно подменили. Мне пришлось отчаянно запоминать каждый свой шаг и строить у себя в голове новую карту — где бы я ни был, стрелка компаса не просто отклонялась от верного направления, она бешено металась по кругу, стоило просто развернуться на месте или сделать шаг в сторону, и даже если стоять неподвижно, она всё равно нервно дёргалась примерно на четверть круга. Вороны горы словно дрожали от негодования, враждебно ощерившись на чужаков колючими токами. «Ну почему меня вчера не разорвало?» — когда эта мысль впервые посетила меня на второй день после гибели нашей роты, я ужаснулся и больно ударил себя по щекам. Нельзя позволять себе думать о таком и распускать сопли — это тупик. Я должен сполна использовать подаренную мне жизнь и попробовать выиграть ещё времени вопреки всему. Перешагнув через нахлынувшее было чувство безысходности, я продолжал искать эвернийский лагерь — узнать бы только, где он, и тогда...

На третий день я совершил очередную вылазку наружу, найдя новый выход из пещер. Спокойствие тихого безветренного дня нарушал только скрип снега под подошвами сапог. Температура, по моим ощущениям, переваливала за -40 градусов¹⁴, но я практически не чувствовал холода, пока двигался. Я шёл по узкому перешейку вдоль обрыва, после пересечения которого планировал сделать остановку и осмотреться с высоты, как вдруг навстречу мне вынырнул из-за поворота буревестник¹⁵. Смуглый, крепкий и невысокий, с выпученными глазами, в белоснежной форме с маленькой едва заметной тёмно-серой птицей на нагрудном кармане — точно буревестник, хоть и совсем ещё мальчишка. Мы сцепились взглядами на долю секунды и оба напряжённо застыли. Выигрывая время, он выхватил из сапога нож и стремглав бросился с ним на меня. Я хотел задержать его руку и обезоружить, но вместо этого рефлекторно пригнулся и резко оттолкнул от себя мальчишку, повалившись на спину. Попятившись, он споткнулся о мою ногу и с коротким воплем сорвался вниз с узкой тропы. Наши взгляды вновь на мгновение встретились, и, если правда, что перед смертью перед глазами мелькает вся жизнь, то не я должен был стать последним, что они запечатлеют. Мне хотелось, чтобы это было не так, но невозможно выжить, упав с такой высоты на скалы. А ведь он был немногим младше меня.

Несколько секунд я переводил дух и успокаивал тяжело бьющееся сердце. Считанные мгновения, казалось, превратились в бесконечность — словно пропасть смаковала все минуты, непрожитые юным буревестником, и пыталась вместить этот непомерно долгий срок в десяток крошечных вдохов. Опасливо глядя вниз на бездыханный труп человека, чья жизнь только что оборвалась из-за роковой случайности, я с ужасом осознал, что только что раскрыл себя. Встревоженные возгласы и топот в одну секунду достигли моих ушей. Я опрометью, почти не разбирая дороги, бросился вперёд, обратно к пещерам, от которых ушёл в этот раз неосмотрительно далеко. Нужно было спасти свою никчёмную жизнь, пока ещё можно было это сделать, но во мне нарастал страх, что сейчас уже поздно. Издалека донеслась чья-то хриплая команда: «Поймать его!» Единственный шанс — сбросить погоню, запутав преследователей в лабиринте пещер, из которого на тот момент мне было известно несколько выходов, и молиться, чтобы эти выходы не были известны им. А по дороге, при возможности, попытаться забрать мой рюкзак.

Мимо меня просвистела пуля. Сглотнув и в единый момент вспомнив про себя все известные ругательства, я метнулся за угол, когда услышал ещё один выстрел. Кто-то раздражённо закричал, и выстрелы прекратились, но погоня только набирала обороты. Я так просто не сдамся — уж если мина меня не взяла, не взять меня и какой-то пуле, морна с два! Подъём становился всё круче, и я буксовал, соскальзывая по осыпи и тщетно стараясь удержаться на склоне, цепляясь за выпирающие камни, как лисица, упавшая в воду и гребущая против течения. Через несколько минут бега голова закружилась, картинка в глазах стала расплываться, а ноги — подкашиваться. Оставалось преодолеть прыжками несколько крутых уступов, когда рука предательски соскользнула с обледеневшего камня и я, коротко вскрикнув, рухнул навзничь, зашипев от пронзительной боли в спине. Подняться мне помогло несколько крепких солдатских рук.

Меня скрутили и доставили в шадхаварский лагерь. Такой же смуглый, как тот мальчишка, черноволосый генерал на тэсцинте распорядился, чтобы у меня отобрали оружие и обувь, а после — допросили. Жёстко, если потребуется.

Невозможно было с уверенностью сказать, из какой области пришли эти шадхавари. Я их друг от друга отличаю очень смутно — в наших краях их немного, все шадхавари уж очень теплолюбивы, и наши традиции далеки от их понимания. Тем удивительнее мне было видеть их здесь — для Инсáтты, например, как одной из самых крупных шадхаварских стран, гораздо важнее были приморские города Эвернии, чем какие-то горы, даже несмотря на значимые тор-

¹⁴ Система единиц температуры на Эле носит другое название, но она аналогична градусам по Цельсию.

¹⁵ Буревестники — жаргон, обозначающий род солдат-наёмников.

говые пути и ресурсы. А для всех остальных, более мелких стран, в войну за Вороние горы и вовсе не было причин ввязываться — хотя для многих из них и привычна жизнь в горах, Вороние горы, во-первых, были от большинства из них далеко, а во-вторых, совсем не походили на привычные им сухие и жаркие южные горы. Но эти солдаты не были йнсами — значит, это наёмники, так как в шадхаварских странах мужчины часто уходили служить по найму, за что их и прозвали буревестниками. Мне казалось, это могли быть кáхви, а, может, хиджи, обстранцы или вэдды, кто его знает — даже манера говорения на родных языках, отразившаяся специфическим акцентом на их тэсцинте, не позволяла идентифицировать их народность. То резкий и грубый с упором на сонорные согласные, то манера делать все согласные твёрдыми и словно спотыкаться на них, то, напротив, певучий говор с неотделимыми друг от друга словами... Возможно, они все были из разных провинций — во всяком случае, разговаривали они с совершенно разным произношением, как словно каждый шадхавари был отдельным маленьким государством с собственным языком и древней культурой, которые тебе никогда не суждено было постичь. Мне приходилось изо всех сил напрягать слух, чтобы понять, чего от меня хотят. Им, должно быть, несмотря на тесное соседство, довольно трудно понимать даже друг друга, настолько силён у каждого из них был акцент. Но они были немногословны и предпочитали доносить свои мысли совсем другими методами.

— Где лагерь, рядовой, — произнёс майор, руководивший допросом. — Говори. Я замотал головой.

— Не знаю. А знал бы — не сказал.

Майор кивнул и жестом направил ко мне двух своих подчинённых.

Его вопросы быстро перетекли в рукоприкладство. Ирония состояла в том, что какие бы зверства они ни совершали — я ничего не мог им сказать. Даже будь я предателем, просто не смог бы. Я не знал, где морнов эвернийский лагерь — я не добрался до него. Меня били, как мешок с трухой. Когда это не подействовало, меня вынесли на мороз и положили на деревянную доску затылком вниз, накрыли голову мокрым губковидным лоскутом ткани и поливали ледяной водой, так, что невозможно было дышать, а вода просачивалась в ноздри и панически раскрытый рот. Та вода, что не успевала стечь, обжигала лицо, равно как и ветер, чувствовавшийся едва ли менее болезненно, чем боль от рваной раны. Хотелось бы мне сказать, что я героически держался, стоически вытерпев каждую пытку, но горькая правда состояла в том, что я рыдал, как дитя, которого выпороли за обмен коровы на три боба. Орал, пуская кровавые сопли. Но я ничего не знал. Не знал! В конце концов, они принялись вырывать мне ногти и успели выдрать два, когда я потерял сознание. Меня привели в чувства, но я быстро отключился снова.

Устав возиться со мной, майор отдал приказ оставить меня в покое до завтра и прикопать к столбу в одном из шатров, чтобы я всегда находился на обозрении. На моих глазах потуже затянули повязку, которую надели после поимки в горах и снимали только на время допроса, чтобы следить за моей реакцией. Чтобы не дёргался и не мешал лишним мычанием и стонами, мне сделали инъекцию нейропаралитика, который они назвали «гута», что даже мне, как химику, не дало ни малейшего понимания, что это за дрянь. Из моего тела словно изъяли хребет, и оно обмякло, безвольно повиснув, как постиранный шнурок — не было возможности ни пошевелиться, ни даже приподнять голову. Мышцы отказывались меня теперь слушаться. Боль, разливавшаяся по телу после пережитого, в этот момент накаtywала особенно ярко, пробирая до самых костей. Всё тело ломило, а я не мог даже сдвинуться с места. Через десять минут ноги и торс постепенно начали ныть и затекать, а пошевелить ими я по-прежнему был совсем не в состоянии. Вдобавок, вскорости меня с головой накрыло ощущение затруднённого дыхания, и я прикладывал все усилия, чтобы не отключаться и вслушиваться в то, что происходит снаружи шатра. По доносившемуся за пределами палатки разговору двух сержантов, проводивших мой допрос, косвенно стало ясно, что эффект удушья — лишь мера на случай,

если майор решит меня отпустить и я приведу их напрямик во вражеский лагерь. Токсин, вызывающий отёк горла и лёгкий отёк бронхов, был призван не дать мне двигаться с необходимой скоростью и криком подать знак товарищам, так как при введённой дозировке препарата воздуха в лёгкие мне должно было поступать в достаточном количестве исключительно для медленного шага. И то — с остановками.

Не могу сказать точно, через какое количество мучительно тянущихся минут голова моя стала ещё более тяжёлой — веки слипались, а в разум словно просочился густой непроглядный туман, сквозь который мерещился лишь звон неясно откуда взявшихся колокольчиков. Может, в числе прочих лекарств содержалось снотворное. Может, мне просто не хватало кислорода. Может, так действовала тьма, в которую я погрузился на долгие часы из-за повязанной на глаза тряпки. А может, я просто обессилел от нестерпимо ноющих увечий, нанесённых на допросе, однако постепенно реальность затерялась за туманным пологом, и я растворился в поисках звонких колокольчиков в протяжном глубоком сне.

Я очнулся от криков и звуков пальбы. В шатре, кроме меня, не осталось ни единой души, но за его пределами явно разворачивались боевые действия — внутрь просачивался едкий запах дыма и гари, от которого слезились глаза и неприятно свербело в носу и горле. Я закашлялся.

Спустя несколько секунд надрывного кашля я заметил, что могу самостоятельно удерживать голову в нужном положении — значит, способность двигаться постепенно начала восстанавливаться. Понятия не имею, сколько я провёл в забытьи, но сон дал организму столь необходимое время справиться с токсином, хотя и не избавил меня от надоедливой ноющей боли в конечностях, пусть и несколько стихнувшей. Снаружи, судя по крикам, происходила вооружённая стычка, и я уповал на то, что нападающими могли быть свои. Плотнo прижав голову к деревянной балке, я отчаянно пытался содрать с себя наглазную повязку, и, когда мне это наконец удалось, тихо помянул всех морнов мироздания, так как в нескольких метрах от меня уже не было видно ни зги — шатёр постепенно заполнялся густым серым дымом. Дышать и по пробуждении было трудно из-за токсина, а теперь и вовсе стало практически невозможно — дело шло на минуты, если не на секунды. Спустив повязку на нижнюю половину лица, я старался вымочить её слюной, насколько мне позволял мой обезвоженный организм. Затем задержал дыхание. В голове судорожно вертелись мысли, каковы мои шансы сейчас не просто попасть на волю, но хотя бы выжить — способ обязательно должен был быть, иначе моя участь оказалась бы совсем незавидной. Уж что-что, а сдохнуть в неизвестности, сгорев в статусе шадхаварского пленника, забытого ими в шатре, мне совсем не улыбалось. Пока я размышлял и тщетно дёргал наручники за своей спиной, готовый уже даже лишиться рук, лишь бы сбежать, центральный столб, к которому я был прикован, в десятке сантиметров над моей головой со стрёкотом прожгла короткая вспышка света, проделав дыру в обугленном навесе. Столб тяжело рухнул рядом со мной. Гарью запахло сильнее. Сглотнув, я едва унял бешено заколотившееся сердце, собравшееся, кажется, пробить грудную клетку и самостоятельно сбежать куда подальше, бросив меня одного на произвол судьбы.

Если не брать в расчёт то, что я был избит, напичкан токсичными веществами, прикован наручниками к столбу без обуви и снаряжения в горящем шатре на вражеской территории, где мне только что едва не разнесло голову и не пришибло столбом, и, если я не стору заживо, снаружи меня может прикончить каждый встречный всего лишь за то, что я не свой — меня можно было смело провозгласить счастливым. Какая ирония.

От столба, щедро усыпавшего мою голову горелыми щепками и обломками, откололось, без малого, две трети. Из последних сил я, пошатываясь, встал и перебрoсил скованные цепями руки через остатки деревянного бруса, слегка ободрав их об острые занозы — передо мной встал выбор: либо вскрывать наручники в пещерах, обходясь содержимым рюкзака, либо

искать ключи и, вероятнее всего, сгореть заживо в этом пекле. Ткань, которую поддерживал столб, провисла, моментально сократив пространство горения и немало усложнив поиск связки ключей, которой здесь могло вовсе не оказаться. Стоит ли говорить, что жизнь мне оказалась дороже свободных рук? Выбрав место, на которое ещё не распространился огонь, не медля ни секунды, я опустился на колени, вдохнул воздуха снизу и, вновь поднявшись на ноги, кинулся к дальней части шатра, стараясь не загореться по пути к спасению. Дым жёг ноздри, жар обдавал лицо — всего несколько секунд, тянувшихся вечность. Я изо всех сил старался не дышать.

Вместо свежего прохладного воздуха лёгкие наполнил смрадный запах опалённых тел. Огонь всё же перекинулся мне на спину от соприкосновения с полой шатра. Когда я свалился в снег за соседней палаткой, чтобы потушить его, в метре от меня от выстрела, угодившего прямо в голову, рухнул замертво сильфийский солдат, на чьём месте вполне мог оказаться я сам. Надежда встретить своих растаяла, как первые снежинки — сильфы, да не просто сильфы, а цертонцы. Дело — дрянь. Вторая, а после ухода йонсанцев в тень — первая по силе армия всего мира, для которой главной занозой как раз является Эвернийский Альянс. Нужно было бежать — что угодно, даже умереть лучше, чем угодить к ним в плен. Снег давно не был белым, от пролитой крови и пепла он стал похож на лоскутное одеяло из бурых и серых рваных кусков.

За спиной трещал огонь, а босые ноги — обжигал снег. Повсюду были хаотично разбросаны обломки бывшего лагеря. Хотел было я подняться и бежать, как вдруг осознал, что не имею ни малейшего представления — куда? Шадхавари вели меня с завязанными глазами, и даже то, что я мог предположить приблизительное местоположение их лагеря в горах, не давало мне никакого понимания о строении его самого. Разрушенные палатки, шум битвы, сместившийся несколько дальше к склонам за время, пока я выбирался из шатра, запах гари и море трупов — вот, какова была дорога, по которой мне предстояло спастись. «Уж лучше побираться по трупам, чем стать одним из них», — пронеслось в моей голове, и я, добравшись до менее везучего солдата, на ощупь стащил с него сапоги. Вряд ли они хоть когда-либо ещё могли понадобиться ему так, как мне сейчас. Кое-как всунув ноги в чужую ещё не остывшую обувь, я поднялся и, шепнув прощальную благодарность и пару слов за упокой мёртвого шадхавари, подарившего мне сапоги, помчался, полусогнувшись, подальше от грохота развернувшегося сражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.